Кир

БУЛЫЧЕВ

МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

ВЕЛИКОЕ ПРОСТРАНСТВО

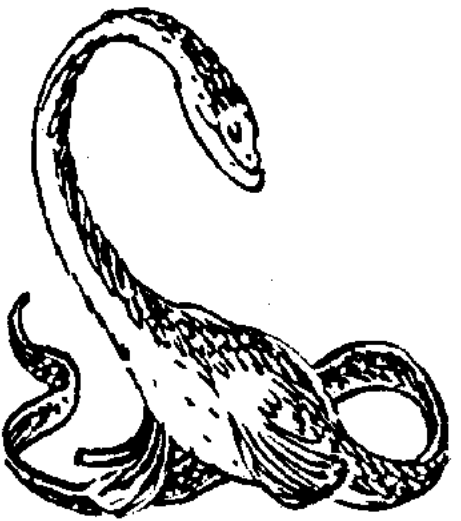
Конец Атлантиды
Кир Булычев

Аннотация
Кир Булычев. Конец Атлантиды
Глава 1. Совпадение как в романе
Глава 2. В подводном ущелье
Глава 3. Пленники атлантов
Глава 4. Смерть пришельцам!
Глава 5. Принцесса, куклы и сирены
Глава 6. Тайна Атлантиды
Глава 7. Победа госпожи Геры
Глава 8. Камеусы выходят на охоту
Глава 9. Бегство из Атлантиды

Аннотация

Кир Булычев
Конец Атлантиды

Глава 1
Совпадение как в романе

Солнце мгновенно поднялось над океаном, словно вынырнуло из глубины и спешило отдышаться. Оно разбрызгалось искрами по верхушкам ленивых зеленых волн, подгоняя их к

песчаному пляжу острова Яп. Но волнам за ночь надоело биться о берег, и они устало облизывали полосу плотного песка, не дотягиваясь до темного вала водорослей, выброшенных штормом к столбам кокосовых пальм.

Алиса медленно шла по песку. Порой язык волны, отороченный пеной, трогал ступню. Маленькие полупрозрачные песчаные крабы деловито носились вокруг, а если на них падала тень Алисы, быстро закапывались в песок.

Алисе хотелось найти на берегу редкую ракушку или морскую звезду — утром после шторма на пляже случаются любопытные находки. Но в то утро ничего удивительного не встретилось. Алиса прошла больше километра и видела только два пустых кокосовых ореха, обкатанный волнами кусок дерева и несколько обыкновенных ракушек каури. Директор подводной фермы Аран Сингх рассказывал, что в прошлом году ураганом на берег выбросило метровую раковину тридакну. Теперь она лежит у входа в лабораторию.

Солнце поднялось уже высоко, и стало жарко. Но купаться здесь было плохо — мелководье. Пока дойдешь до глубокого места, сто раз побьешь ноги об обросшие скользкими водорослями обломки кораллов. В отлив широкая полоса, что тянется

до рифов, кажется шкурой громадной жабы.

Алиса кинула последний взгляд на море и поспешила к белому причалу, за которым начиналась глубокая бухта. Она соединялась с океаном каналом, пробитым в коралловой тверди.

Вот тут-то Алиса и увидела бутылку.

Бутылка целиком ушла в песок, наружу торчало лишь горлышко, облитое сургучом, и поэтому

она сначала показалась Алисе концом палки. Но волна вспенилась вокруг горлышка, и оно заблестело. Алиса присела на корточки, разгребла мокрый тяжелый песок. Бутылка была толстой, пузатой, темной. Пока она плавала по морю, на ней поселились скользкие мелкие водоросли, покрыв ее словно чехлом. Алиса отодрала слой водорослей сбоку и подняла бутылку, глядя на нее против солнца, чтобы понять, нет ли чего-нибудь внутри.

Внутри что-то лежало. Может быть, листок бумаги.

Алиса попробовала соскрести сургуч с горлышка, но тот был как камень.

Она поднялась и побежала к причалу.

Алиса пробежала шагов сто и остановилась.

«А почему я, собственно, бегу? — подумала она. — Впрочем, торопиться надо, ведь бутылка — сигнал бедствия. Бутылки кидали с борта гибнущего корабля или с берега необитаемого острова. Правда, это бывало очень давно… двести, триста лет назад. Кто будет теперь кидать в океан бутылки? Скорее всего, шутник или безнадежный романтик. А если бутылка настоящая, «кораблекрушительная», то за триста или четыреста лет, что прошли с тех пор, как ее кинули в волны,

корабль, терпящий бедствие, давно утонул, а Робинзон умер от скуки».

Чтобы развеять сомнения, бутылку надо разбить и прочесть вложенную в нее записку. Но это будет нечестно по отношению к Пашке Гераскину. Он никогда не простит ей такого предательства. Пашка Гераскин серьезно относится к романтике и верит, что настоящие приключения в конце XXI века еще не перевелись.

Алиса поднялась на причал.

Подводный катер — батискат, который на океанской станции дали Алисе и Пашке, был пришвартован со стороны бухты. Ни Пашки, ни робота, с помощью которого они чинили сломанный манипулятор батиската, видно не было. Да и вообще причал был пуст. Директор Аран Сингх с двумя зоологами еще вчера улетел в Сидней на совещание, а остальные с рассветом ушли на батискатах и катерах в океан проверить, не натворил ли бед ночной шторм на жемчужных фермах и в крабовых питомниках.

Алиса прошла по гладким камням причала до батиската.

Он был похож на веретено, увенчанное зеленоватым куполом. Там, под куполом, Алиса и увидела своего друга. Он лежал в кресле, задрав

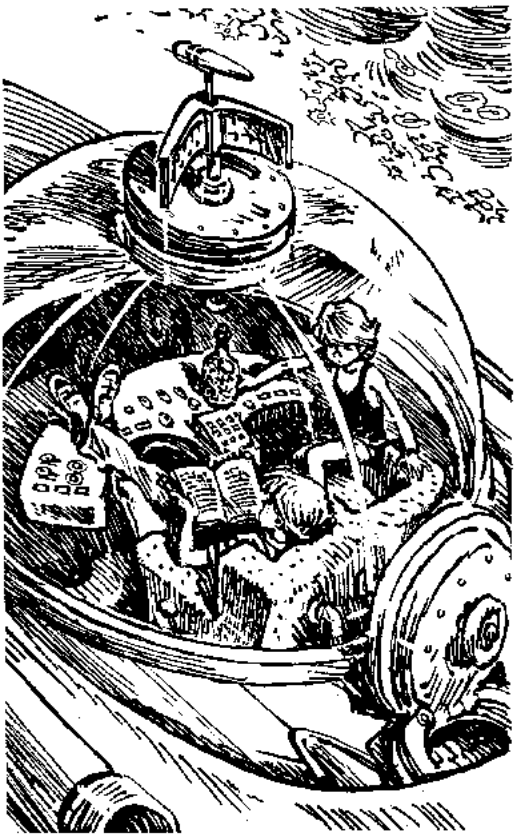
ноги на пульт, и читал старинную книгу.

Пашка был так поглощен чтением, что не заметил, как Алиса спрыгнула на палубу батиската и присела, разглядывая длинную членистую руку манипулятора.

Все в порядке. Пока она гуляла по берегу, Пашка с роботом закончили ремонт. Так что Пашка имел полное право читать сколько ему вздумается.

Алиса откинула колпак над каютой и спрыгнула внутрь. Пашка даже бровью не повел.

Алиса поставила бутыль на штурманский столик и уселась во второе кресло.

— Что нового? — спросила она.

— По-моему, я сделал великое открытие, — сказал Пашка, продолжая читать.

— Я тоже, — сказала Алиса и подвинула бутыль ему под нос.

Пашка был невозмутим. Алисе стало обидно.

— Что за тайны! — сказала она.

Книга, которую с таким вниманием читал Пашка, была очень старой. Кожаный переплет обтрепался на углах, страницы пожелтели.

— Слушай, — сказал Пашка и перелистал назад несколько страниц. — Перевожу с английского: «… Я находился в своей каюте, намереваясь отойти ко сну, когда услышал отчаянный крик лейтенанта Робинсона. «Капитан! — кричал он. — Скорее!» В его голосе была такая настойчивость, что я решил: случилось несчастье. Стремглав я выскочил на палубу и остановился, пораженный зрелищем. Предрассветная темнота была озарена странным зеленым сиянием, которое исходило от громадного болида, что несся, прочерчивая ослепительный след по синему небу. Еще мгновение — и примерно в миле от нас болид коснулся поверхности океана и, подняв гигантский столб воды, исчез в его пучине. Он был настолько раскален, что еще минуту мы наблюдали свечение воды, словно некто опустил

в воду горящую лампу. Волна, поднятая этим небесным телом, вскоре достигла нашего фрегата и была так велика, что корабль лишь чудом не лег на борт. Когда все успокоилось, мы проследовали со всей осторожностью к месту падения болида и, осветив воду фонарями, увидели, что там плавает множество мертвой рыбы. Я разрешил матросам спустить шлюпку, и они набрали несколько бочек рыбы, что послужило славным подспорьем нашему столу. Но самое удивительное случилось, когда мы поднимали шлюпки на борт, намереваясь следовать далее. Мичман Джонс закричал, что видел нечто огромное слева по курсу «Рочестера». Несмотря на то что рассвет лишь наступал и видимость была ограниченной, нам удалось понять, что упавший в океан болид настиг в невероятных глубинах некое загадочное существо, неизвестное прежде натуралистам. Это существо, достигавшее в длину ста или более футов…»

Тут Пашка перевел дух и сказал:

— Сто футов — это тридцать метров, понимаешь?

— Понимаю, — сказала Алиса. — А что ты читаешь?

Пашка заложил пальцем страницу и открыл

книгу на титульном листе. Там было написано по-английски: «Отчет о плавании фрегата Его Величества «Рочестер» в Тихом океане и Южных морях в 1816–1819 годах, написанный коммодором Стэнли Рейнольдсом. Издано в Лондоне в 1822 году».

— Поняла? Это я в библиотеке фермы взял. Там много книг, но в большинстве специальные. А несколько совсем старых. Я как увидел эту книгу на полке, меня что-то кольнуло. Ты веришь в предчувствия?

— Нет.

— Ты не права, Алиса. Если не было предчувствия, почему я эту книгу взял? Почему я ее открыл именно на этих страницах?

— Случайно, — сказала Алиса.

— Иногда я подозреваю, что ты лет на пятьдесят старше меня, — укоризненно произнес Пашка.

— Дочитывай, — сказала Алиса.

Бутыль стояла перед самым носом Пашки, но тот ее не видел, сейчас для него ничего, кроме книги, не существовало.

— «Это существо, достигавшее в длину ста или более футов, — продолжал читать Пашка, — имело обтекаемое тело и длинную шею, которая заканчивалась небольшой головой, схожей с

головой питона. Хвост чудовища скрывался в волнах. Так как одна из шлюпок еще не была поднята на борт, я приказал боцману и четырем матросам подгрести к чудовищу и осмотреть его подробно, соблюдая осторожность, ибо не исключено, что оно лишь оглушено. Вместе с матросами в шлюпку опустился судовой врач Р. Поткинс. Шлюпка не успела отойти от борта, как чудовище пришло в себя и, сильно ударив широким плоским хвостом по воде, скрылось в глубине.

Полагаю, что мы наблюдали таинственного морского змея, о котором ходит столько слухов между моряками».

Пашка громко захлопнул книгу и воскликнул:

— Теперь ты понимаешь?

— Что я должна понимать?

— А то, — сказал Пашка, — что известна широта и долгота этой встречи. Слушай: «После того как волнения этих минут остались позади, я приказал штурману произвести счисление места, где находился «Рочестер» в момент падения болида. Вышеописанное происшествие имело место в точке с координатами: 138 градусов 50 минут 22 секунды восточной долготы и 12 градусов 15 минут 54 секунды северной широты».

— Это очень интересно, — сказала Алиса.

На самом же деле она не вслушивалась в Пашкины слова. Она не могла дождаться, когда наконец этот романтик увидит, что перед его носом стоит самая настоящая бутылка, выброшенная на берег океаном.

— Тебе неинтересно, — сказал Пашка. — Я по голосу слышу. Ты не поняла, что от нашего острова до той точки всего сто пятьдесят миль?

— Да?

— И сегодня же мы на нашем батискате отправимся туда. Нам все равно нужно провести ходовые испытания. Мы опустимся в той точке и отыщем громадный метеорит и логово морских змеев.

— Не слишком ли много сразу? — спросила Алиса. — Прошло двести пятьдесят лет.

— Морские змеи живут дольше. — Пашка сказал это так уверенно, словно всю жизнь дружил с морскими змеями. — Но если не хочешь, я проведу испытания без тебя. А ты отдыхай, загорай… может, отыщешь неизвестный науке подвид каракатиц.

— Или бутылку, которую выбросило на берег.

— Если бы ты увидела бутылку, выброшенную на берег, — заявил Пашка, — ты бы ее не заметила. Нужно иметь особый взгляд на вещи. Тайны и

открытия покоряются лишь людям моего склада.

И в этот момент Пашка поднял глаза и увидел бутылку. Он посмотрел на нее совершенно равнодушно.

— Такие приземленные люди, как ты, — продолжал он, — увидят на берегу разбитый бурей фрегат с черным флагом на бизань-мачте и скажут...

Но что они скажут, так Алисе никогда и не удалось узнать. Потому что Пашка открыл рот, а закрыть его не смог. Он протянул руку, дотронулся до бутылки, отдернул пальцы и часто заморгал.

— Э... — произнес он наконец. — Э... Это что?

— Бутылка, — сказала Алиса.

— Какая?

— С письмом о бедствии, — сказала Алиса.

— Кто? Где? — Пашка вдруг ожил, вскочил и чуть не вывалился из батиската. — Почему на борту бутылка, а мне никто ничего не рассказывает?

— Я шла по берегу, — сказала Алиса как можно наивнее, — и подумала: наверное, Пашке хочется найти таинственную бутылку. Я взяла ее и принесла.

— Ты какое имела право находить бутылку? — Пашка был в ужасном гневе. — Ты не имела права находить бутылку! Я ее искал всю мою сознательную жизнь, а ты… так просто, шла по берегу! Это неправда! Этого не может быть.

— Ну что ж, — сказала Алиса, — если бутылки не может быть, я ее отсюда унесу.

— Не смей! — Пашка схватил мокрую, в водорослях бутылку и прижал к груди как бесценное сокровище. — Ты ничего не понимаешь. Немедленно открыть!

— Зачем? — Алиса, честно говоря, получала истинное наслаждение от Пашкиной суматохи. Уж очень быстро разлетелась в клочки его спесь. — Что за спешка? — спросила Алиса.

— А если они терпят бедствие? Если они носятся

по волнам на маленьком плоту?

— Где носятся? — спросила Алиса.

— В океане.

— За триста лет их унесло очень далеко, — сказала Алиса.

— Но, может быть, ее кинули только вчера!

— Разве ты когда-нибудь видел такую бутылку? — спросила Алиса. — Это же древняя бутылка!

— Где молоток?

— Молоток и все инструменты унес робот, — сказала Алиса. — Да я и не позволила бы тебе разбить бутылку, потому что она — исторический памятник.

— Это не памятник! Это сигнал бедствия!

Алиса решительно отобрала у Пашки бутылку и выпрыгнула из батиската.

Пашка побежал за ней по пирсу, потом по дорожке, что вела к зданию лаборатории, и кричал:

— Осторожнее! Ты ее сейчас уронишь!

В лаборатории была только Дороти Гомеа, очень толстая добрая полинезийка, ассистентка Сингха.

Увидев вбежавшую в лабораторию Алису и услышав топот Пашки, она сказала:

— Дети, не разбейте микроскоп, он мне еще понадобится.

— Дороти, — сказала Алиса, подбегая к ней и ставя бутылку на стол, — что это такое?

— Это бутылка, — сказала Дороти.

— Что вы еще можете сказать?

— Это таинственная бутылка, ее выбросило на берег! — закричал Пашка.

— Странно, — сказала Дороти, разглядывая бутылку, — таких давным-давно никто не делает.

Дороти осторожно перевернула бутылку и посмотрела на ее донышко. На донышке были видны выпуклые буквы.

— Видите, — сказала она, — «Фирма Спанк и сыновья. Ливерпуль».

— А что это значит? — спросил Пашка.

— Сейчас узнаем.

Дороти включила информатор и набрала на нем код.

— Я вызываю Лондон, — сказала она. — Справочную Британского музея.

Через несколько секунд на дисплее побежали строчки — справочная откликнулась. Дороти набрала вопрос: когда в Ливерпуле существовал стекольный завод фирмы Спанк, который выпускал бутылки темно-зеленого стекла вме-

стимостью в одну пинту?

Ответ пришел немедленно: фирма Спанк и сыновья обанкротилась в 1822 году. Бутылки в пинту и полпинты она выпускала начиная с 1756 года, однако требуется более точное описание бутылки, чтобы установить год ее изготовления.

— Вот так, — сказала Дороти, разглядывая бутылку.

— Я же говорила, что бутылка страшно старая, — сказала Алиса. — Ее болтало по волнам сотни лет.

— Я не согласна с вами, дети, — ответила Дороти.

Дороти убеждена, что все, кому меньше двадцати лет, — дети. У нее своих шестеро да еще двое приемных. Ждать от нее серьезного отношения к исследователю, которому недавно исполнилось двенадцать, невозможно. Приходится терпеть.

— Эта бутылка пробыла в воде не больше года, — сказала Дороти.

— Не может быть! — возмутился Пашка. — Вы посмотрите, как она обросла.

— Вот именно, она совсем не обросла, — ответила Дороти.

Она взяла пинцет и соскоблила водоросли с бока бутылки — водоросли уже подсохли и легко

отстали от стекла.

— Даже меньше года, — сказала Дороти. — В наших краях морская растительность очень активна. Если бы бутылку бросили в воду двести лет назад, вы бы и не догадались, что это бутылка. Вы бы решили, что это кусок коралла.

— Значит, — сказала Алиса, — кому-то эта бутылка попалась на глаза и он решил: давай я подшучу над любителем романтики. Пускай он решит, что произошло кораблекрушение.

— Нет, — сказал Пашка. — Эта бутылка пролежала двести лет на берегу острова. В песке. А сегодня вылезла наружу.

— Не вижу у нее ножек, — заметила Алиса.

— Не спорьте, дети, — сказала Дороти. — Мы ее откроем и все узнаем.

Она достала из стола маленький молоточек и сбила темную массу сургуча. Под сургучом была пробка. Дороти подхватила ее пинцетом и вытащила.

— Вот и все, — сказала Дороти, запуская пинцет внутрь бутылки и извлекая оттуда свернутый в трубку листок бумаги.

Она развернула его на столе.

Листок был совсем белый, почти не пожелтел. На нем была только одна строчка:

«138 50ў22IE, 12 15ў54IN».

— И это все? — спросил Пашка. Он взял со стола бутылку и заглянул в нее, потом потряс. Ничего больше из бутылки не выпало.

— У меня есть рабочая гипотеза, — сказала Дороти. — Хоть мне и жаль разочаровывать мальчика Пашу. На острове Гуам работают гидрологи. Они изучают морские течения. Наверное, кто-то из гидрологов нашел старую бутылку и решил отправить ее в плавание. Надо будет им позвонить и сказать, что мы нашли их письмо.

— Но почему только координаты? — спросила Алиса.

— Я думаю, — ответила Дороти, — это та точка, в которой сбросили бутылку. Если хотите, загляните в кабинет профессора Сингха, там большая карта. По-моему, это отсюда недалеко.

— Хорошо, — согласился Пашка и забрал записку. Потом взял и бутылку. — Мы ее оставим себе на память, — сказал он.

— Разумеется, — ответила Дороти. — В нее можно налить кокосовое молоко.

Пашка первым побежал к двери. Дороти крикнула вслед:

— Постойте!

Почему-то вместо того чтобы остановиться,

Пашка припустил со всех ног по дорожке. Алиса вернулась. Дороти достала из ящика стола коробку шоколадных конфет.

— Возьми, девочка, — сказала она. — И своего друга тоже угости.

Алиса поблагодарила и взяла конфеты. Она не любила шоколадных конфет, но не хотела огорчать добрую Дороти. Ведь конфеты привозили сюда из Австралии или из Индии специально для Дороти, которая их обожала.

Когда Алиса вышла из домика лаборатории, Пашка уже добежал до пирса.

— Пашка! — крикнула она. — Разве ты не пойдешь смотреть на карту?

Но Пашка только отмахнулся.

Алиса пошла за ним. «Романтика тебя погубит», — подумала она.

Когда Алиса поднялась на пирс, Пашка уже влез в батискат. Он положил на пульт записку из бутылки, а рядом с ней открытую книгу о путешествии фрегата «Рочестер».

— Ты чего убежал? — спросила Алиса, спрыгивая в батискат и кладя перед Пашкой две шоколадные конфеты.

— Смотри, — сказал Пашка таким голосом, словно он только что достиг в одиночку Север-

ного полюса.

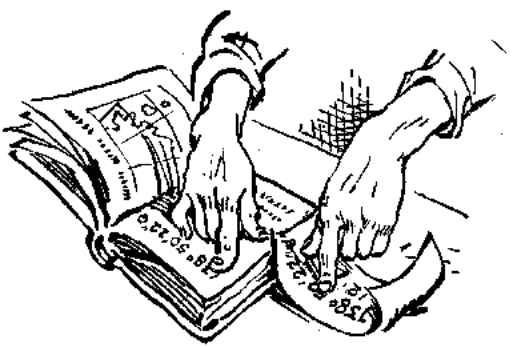
Указательным пальцем правой руки он прижимал строчку в книге, указательным пальцем левой — записку, найденную в бутылке.

— Ты ничего не видишь?

— А что я должна увидеть?

— Тебе никогда не быть великим исследователем, — сказал Пашка. — Это же одинаковые координаты! До секунды!

Алиса сначала не поверила ему. Совпадение было слишком невероятным. Но через минуту она должна была признать, что Пашка прав.

— Ничего не понимаю, — сказала она. — Так не бывает.

— Так не бывает в обычной жизни, — сказал Пашка, — но, когда я берусь за дело, бывает и не такое.

— Во-первых, бутылку нашла я, — сказала Алиса.

— Ну и что? Если бы я не прочел книгу, эту записку ты бы выбросила.

Пашка кинул в рот одну за другой две шоколадные конфеты.

Потом спросил:

— Ты знаешь, что мы будем делать?

Алиса немного подумала и ответила:

— Наверное, мы завтра с утра поплывем в эту точку.

— Почему завтра с утра? Сегодня! Сейчас! Немедленно!

Глава 2
В подводном ущелье

Сразу уйти в море не удалось.

Путешествие займет весь день. Два часа туда, два часа обратно, и неизвестно, сколько уйдет на погружение.

Надо загрузить в батискат еду и пресную воду, проверить батареи и очиститель воздуха: погружение в море — не развлечение для детей. Пока Пашка с помощью робота проверял системы батиската, а потом раздобывал на складе скафандры для глубоководных работ, Алиса побывала в информатории, чтобы найти подробную карту морского дна того района, где они собирались искать болид, морского змея и разгадку тайны записки.

Судя по карте, глубины в тех местах были невелики — не больше пятисот метров. Правда, там проходила узкая расщелина. Больше ничего интересного — ни подводного вулкана, ни загадочной впадины…

Потом Алиса вызвала бюро прогнозов по Океании и получила прогноз погоды на сутки. Прогноз

был хорошим.

Теперь — к Дороти.

— Дороти, миленькая, — сказала Алиса сладким голосом, заглядывая в лабораторию через окно.

Дороти откинула со лба прядь тяжелых черных волос.

— Что тебе, девочка?

— Мы пошли в море. Возвращение вечером.

— Не простудитесь, — сказала Дороти.

И снова склонилась над микроскопом.

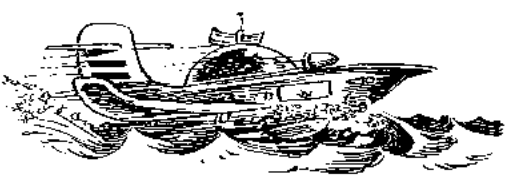
Вся операция заняла полминуты. Если бы Алиса принялась просить разрешения или стала бы объяснять Дороти, что они с Пашкой хотят совершить погружение в таинственной точке, разумеется, Дороти бы никогда их не пустила и велела бы ждать возвращения профессора Сингха. Алиса же никогда не обманывала. Она сказала чистую правду. Но сказала точно так, как говорят экипажи батискатов, уходящие в океан на работу. Она не просила, а сообщила. Поставила в известность. А Дороти «приняла к сведению». Ей и в голову не пришло, что московские практиканты замышляют авантюру.

Через пятнадцать минут батискат отвалил от причала и осторожно направился по каналу к выходу в стене рифов. Ветер совсем стих, и вода

в лагуне была гладкой как зеркало. Маяки на выходе из канала перемигнулись, фиксируя выход батиската, и Пашка, который вел кораблик, послал им сигнал: батискат номер семнадцать, экипаж два человека, выходит на ходовые испытания. Курс норд-ост-ост.

За рифами покачивало. Океан еще не успокоился после ночного шторма, его грудь мерно поднималась в сонном дыхании. Легкий батискат медленно и долго взбирался на вершину покатой волны, потом скользил вниз. Покачаться на волнах, конечно, приятно, но, когда у тебя дело, приходится отказать себе в удовольствии.

Пашка перевел батискат на полуполет. Два широких плавника выскочили из днища батиската, и он пошел дальше большими пологими прыжками, срезая вершины волн. Алиса откинула колпак, и теплый, упругий ветер приятно бил в лицо.

— У тебя есть версия, откуда взялась записка? — спросила Алиса.

Она понимала, что Пашка ни на секунду не поверил Дороти, будто записка в бутылке — шутка гидрологов.

Пашка ответил не сразу. Он поднял батискат чуть выше, чтобы не врезаться в большую волну, катившую навстречу.

— Я чувствую, — сказал он наконец, — что мы с тобой стоим на пороге великого приключения, может, самого большого в жизни. Но что это за приключение, я не знаю. Фантазии не хватает. Что нам с тобой известно? Точка в океане. Нам сообщили о ней капитан фрегата «Рочестер» и неизвестный, который кинул бутылку.

— Может, это случайность?

— Таких случайностей не бывает, — возразил Пашка.

— Погоди! — воскликнула Алиса. — У меня идея. А вдруг кто-то на острове уже читал эту книгу? Допустим, в прошлом году?

— Как читал?

— Пришел в библиотеку, увидел на полке старый том и прочел его. Потом подумал: дай-ка я возьму старую бутыль, напишу на записке координаты из книги и брошу ее у берега.

— Ну какой дурак мог это сделать?

— Ричи Гомеа, сын Дороти. Он очень веселый.

— Нет! — закричал Пашка. — Так быть не может! Ты отнимаешь у меня тайну! Мне надоела твоя трезвость, Алиса Селезнева! Я тебя в последний раз предупреждаю: если ты не станешь наконец романтиком, наши пути разойдутся.

— Не кричи, Пашка, — сказала Алиса. — Дай-ка мне эту записку.

Алиса еще раз поглядела на записку.

— Почерк взрослый, — сказала она. — Но если человек намерен сообщить что-то важное, зачем ему писать только координаты?

На этот вопрос Пашка отвечать не захотел. Они неслись по волнам больше часа, а потом Пашка снизил скорость, и батискат поплыл, покачиваясь, взбираясь на океанские валы и легко скользя с них. Над волнами носились летучие рыбки. Одна из них залетела в батискат, Алиса поймала ее на пульте и выбросила обратно в воду. Потом Алиса открыла термос с чаем и достала бутерброды. Они позавтракали.

В тот момент, когда Алиса поднесла ко рту последний кусок бутерброда, раздался звонок — пульт сигнализировал, что батискат вышел в расчетную точку.

Океан вокруг был точно таким же, как и полчаса назад, — пустынным, мирным и могучим. Высоко пролетел альбатрос, летучие рыбки блестками отсвечивали под солнцем.

— Ну что? — спросил Пашка. — Начнем погружение?

Алиса задраила прозрачный колпак. Пашка начал осторожно выпускать воздух из цистерн. Заборная вода поступала в них, и батискат постепенно становился все тяжелее. Он погружался. Зеленая волна хлестнула по колпаку, в последний раз сверкнул луч солнца, скользнул по приборам, и сразу стало темнее.

Сколько раз уже Алиса опускалась в глубины океана, но всегда у нее сжималось сердце от сладкого предчувствия. Только что батискат был для океана чужим — он лишь касался воды дном. Но стоило ему уйти вглубь, как он превратился в одного из обитателей бездны, словно стал громадной рыбой или китом. И океан, такой пустой и почти безжизненный на поверхности, внутри оказывался населенным всякой живностью, которой и дела не было до батиската и тех человечков, что в нем сидели.

Сначала вода вокруг была светлой, зеленой, лучи солнца пронизывали ее. Небольшая акула

скользнула рядом с батискатом, равнодушно глянув на него. Можно было различить полосы на ее боках и даже блеск маленького злобного глаза. Потом совсем рядом — только протяни руку — проплыла большая медуза, чуть шевеля длинными, почти прозрачными щупальцами. Стайка рыб слаженно совершила поворот, словно это были не рыбы, а корабли, и пошла в глубину, обгоняя батискат.

Постепенно темнота за бортом сгущалась. Пашка не спешил с погружением — он проверял приборы. Потом выпустил оба манипулятора, и длинные членистые руки высунулись по бокам батиската, раскрыли и снова сжали металлические пальцы, страшно испугав акулу. Все системы батиската работали отлично.

Алиса взглянула на приборы. Температура воды понемногу падала — лучи солнца уже не прогревали ее. Вокруг царила вечерняя синь, и рыбы, проплывавшие рядом, казались черными тенями.

Пашка включил прожектора. Большой скат, попавший в луч, взмахнул крыльями и рванулся в сторону.

Батискат опускался по спирали.

Сто метров…

Сто двадцать метров…

Сто пятьдесят метров…

За бортом полная темнота. И рыбы, что встречаются там, сами имеют фонарики и огоньки. Они никогда не поднимаются к поверхности и привыкли жить под большим давлением.

Двести метров…

Двести тридцать метров…

Алиса включила отопление, в батискате стало холодно.

Триста метров…

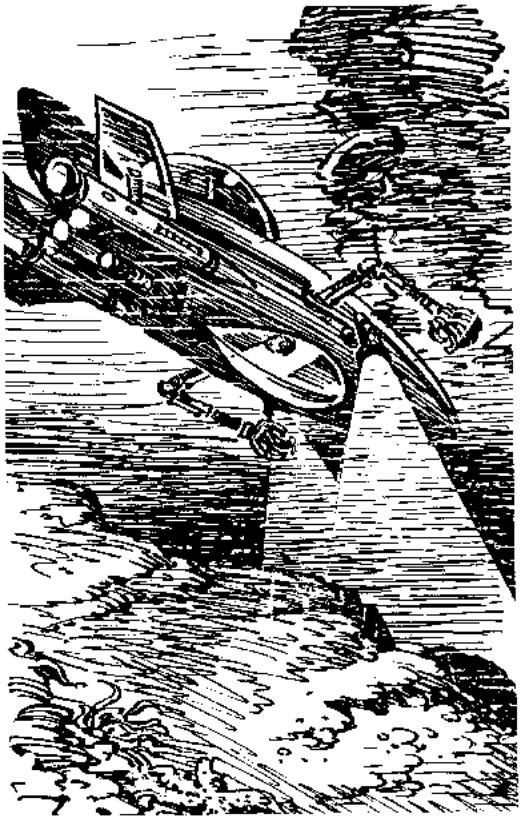
Четыреста сорок…

— Вижу дно, — сказал Пашка.

Он направил луч прожектора вниз.

Дно было гладким, кое-где по нему были разбросаны крупные камни. В одном месте прожектор высветил бледную морскую звезду.

И больше ничего.

— Странно, — сказал Пашка.
— А ты думал, что здесь тебя ждут?

— Ничего я не думал. Давай искать. Может, потребуется осмотреть несколько километров дна.

Пашка набрал на пульте задание для батиската: разработать оптимальный маршрут, чтобы обследовать квадрат за квадратом весь участок дна. Человеческие глаза — далеко не лучший инструмент. Приборы скорее найдут то, что таится под слоем ила.

Подумав несколько секунд, батискат двинулся вперед. Он шел зигзагами, сам избирая маршрут. На дисплее этот маршрут накладывался на карту дна.

Так прошло минут двадцать. Ничего особенного за это время не случилось. Под батискатом тянулось серое почти ровное дно. Порой появлялись его обитатели: то проползет краб, то проплывет светящаяся большая креветка с глазами на длинных стебельках, то скользнет рыба, по боку которой тянется цепочка огоньков, отчего она становится похожей на пассажирский самолет.

— Гляди! — Пашка нажал на кнопку.

Батискат дернулся и замер. Под ним в слое глубоководного ила протянулась широкая волнистая полоса, будто там проползла огромная змея.

Пашка сразу же перевел батискат на ручное управление и направил его по следу.

— Наверное, это морской змей, — сказал Пашка. — Кто еще мог оставить такой след?

Они проплыли по следу метров триста. И тут он внезапно оборвался.

— Еще одна загадка, — вздохнул Пашка.

— Похоже, — сказала Алиса, — что змей опустился на дно, прополз по нему, а потом снова поплыл.

— Допускаю, — согласился Пашка. Он не очень любил, когда кто-нибудь разгадывал загадку скорее его.

Алисе и Пашке казалось, что они уже весь день плывут в этой непроницаемой тьме, над ровным и скучным дном, где ничего интересного и быть не может. Металлоискатели батиската упрямо молчали, локаторы не показывали никаких крупных предметов. Тихо, монотонно, скучно. И с каждой минутой настроение портилось и все больше хотелось наверх, к солнцу, к зайчикам, играющим на волнах, к свежему ветру.

— Ничего здесь нет, — вдруг сказал Пашка.

— Предлагаешь подняться?

— Даже не знаю.

— Давай заглянем в расщелину, — предложила Алиса.

Она показала на почти прямую линию, что

темнела на дисплее.

— Как хочешь, — ответил Пашка скучным голосом.

Он помолчал немного, потом добавил:

— Может, в самом деле гидрологи пошутили.

Трещина появилась под батискатом совсем неожиданно.

На карте она казалась узкой, но в действительности была шириной больше пятидесяти метров, и луч прожектора с трудом достигал ее дальнего края.

Стены расщелины почти вертикально уходили вниз. Приборы сообщили, что до дна двести метров.

Батискат завис над серединой расщелины и медленно начал опускаться.

— Смотри, температура воды здесь выше, — сказала Алиса.

— Всего на градус.

Лучи прожекторов отражались от базальтовых стен. Пронеслась, будто испуганная чем-то, стая крупных рыб, светя огоньками на концах усов.

Понемногу расщелина сужалась. Минут через двадцать батискат достиг дна. Здесь между стенами было не больше двадцати метров. Дно покрывал густой слой ила.

— Смотри, — сказал Пашка, — какая странная стена.

Стену пересекали тонкие полоски, словно их провели по линейке.

— Только не говори, что это следы неизвестной подводной цивилизации, — сказала Алиса.

— А это что? — Пашка направил луч прожектора на дно ущелья.

Там угадывалась гладкая каменная плита.

— Люк в подводное подземелье, где лежат сокровища, — улыбнулась Алиса.

— Не смейся, — сказал Пашка. — Мы обязаны это обследовать.

— Погоди, — сказала Алиса. — Давай проплывем еще дальше по трещине. Если ничего больше не увидим, тогда вернемся и поглядим на твой люк.

Плита, полоски… может, это ничего не значило, но Алиса почувствовала, как сердце забилось быстрее. А вдруг?..

Несколько громадных глыб, видно, сорвались в свое время сверху и перегородили ущелье. Из щели между глыбами вырвался пузырек газа и помчался вверх. За ним второй…

— Видишь? — воскликнул Пашка. — Выход газов.

Цепочка пузырьков вырвалась из-под скалы и потянулась кверху.

Батискат завис над тем местом, откуда вырывались пузыри.

— Может быть, здесь вулканическая активность? — спросила Алиса.

— Ты же сама проверяла — район сейсмически нейтральный, вулканической деятельности нет.

— Значит, здесь идет какой-то процесс с выделением метана или какого-нибудь другого газа. Это бывает, — сказала Алиса.

— Сейчас проверим, что за газ, — сказал Пашка.

Он дал команду манипулятору. Длинная рука выдвинулась из корпуса батиската. Два металлических пальца осторожно держали опрокинутую пробирку. Когда новая цепочка пузырьков вырвалась снизу, манипулятор ловко накрыл пробиркой один из них и быстро спрятался в корпус.

Алиса набрала запрос, и через минуту на дисплее появились цифры: состав газа.

— Кислород — 21 процент, — прочел Пашка, — углекислота — 1/10 процента, азот — 78 процентов — это же воздух!

— Почти такой, как наверху, — согласилась

Алиса.

— И что это означает?

— Это означает, что там, внизу, — сказала Алиса, — есть полость, наполненная воздухом.

— Это невероятно! — заявил Пашка. — Я немедленно иду наружу.

— Зачем? — спросила Алиса. — Пускай манипулятор разберет завал и отыщет место утечки. Он это сделает куда лучше тебя.

— Лучше? — возмутился Пашка. — Ты больна болезнью двадцать первого века!

— Какой болезнью?

— Ты уверена, что машины все делают лучше, чем человек.

— Нет у меня такой болезни, — ответила Алиса. — Но машины для того и изобретены, чтобы делать некоторые вещи лучше человека. Быстрее и точнее.

— Но принимать решения все равно будет человек, — ответил Пашка. — В конце концов мне надоело сидеть в этой банке. Я тысячу лет не гулял по дну моря.

— Но здесь глубина почти полкилометра.

— Скафандр рассчитан на большее, ты же знаешь, — ответил Пашка. — А если тебе хочется посидеть в батискате, сиди. Отдохни, пока я

буду заниматься исследованиями загадочного явления.

Пашка — великий провокатор. Об этом все в школе знают. Он может любого, даже самого спокойного человека вывести из себя, и тот, того не замечая, уже несется совершать необдуманные поступки и делать великие глупости, потому что Пашка его к этому подтолкнул. Неудивительно, что Алиса поднялась с места и сказала:

— Я пойду с тобой.

— Это неразумно, — сразу сменил политику Пашка. — Кто-то должен остаться на корабле. Мало ли какая опасность может нам угрожать?

— Какая? В этих скафандрах нам ничего не страшно.

Пашка провел батискат немного вперед, отыскал ровную площадку на дне расщелины и опустил его туда. Облаком поднялся серый ил и долго не оседал. Даже когда акванавты натянули глубоководные скафандры и выбрались через двойной люк наружу, дно было покрыто туманом. Идти было трудно. Тяжелый столб воды сковывал движения. Впереди, словно толпа чудовищ, нависли каменные скалы.

— Как ты думаешь, — раздался в шлеме Алисы голос Пашки, — а вдруг это осколки того болида,

который видел капитан «Рочестера»?

Алиса не ответила, но подумала, что надо будет захватить с собой образцы этих скал. Если это болид, то состав у него будет иной, чем у породы на дне.

Снизу, со дна, скалы казались выше. Темнота сгустилась, светили только шлемовые фонари скафандров, выхватывая из тьмы острые края скал.

— Где же эти пузыри? — услышала Алиса голос Пашки. — Куда они подевались?

Пашка протиснулся в узкий проход между скал.

— Вижу! — воскликнул он.

Его фигурка в блестящем скафандре исчезла. Алиса последовала за ним.

Но оказалось, что Пашка ошибся, это лишь маленькая глубоководная медуза сверкнула в луче фонаря.

— Ну где же, где же эти пузыри? — бормотал Пашка.

— Может, они кончились? — спросила Алиса.

Они остановились, стараясь сообразить, куда идти дальше.

Алиса взобралась на большой округлый камень, чтобы оглядеться. Перед ней торчали

головы и спины скал, виднелись черные провалы между ними, а дальше — темнота.

Вдруг Алиса замерла. По ущелью медленно двигался огонек. Сначала Алисе показалось, что это какая-то глубоководная рыба с собственным фонарем, но огонек был куда ярче, чем положено иметь животному. К тому же он двигался, покачиваясь в такт шагам.

Алиса сказала:

— Паша, мы не одни.

Она сказала это так тихо, почти шепотом, что Пашка не сразу понял. Было страшно, что тот, кто идет, их услышит. Хотя этот страх был глупым — ведь Пашка с Алисой переговаривались по радио.

— Что ты говоришь? — спросил Пашка, который где-то у ног Алисы пробирался по узкому проходу между скал.

— Тихо!

Пашка замер. По тону Алисы он сообразил, что произошло что-то особенное.

— Что там? — прошептал он.

— Он идет, — сказала Алиса. — Я его вижу.

— Кто?

— Не знаю.

— Тогда выключи фонарь, — приказал Паш-

ка. — Я влезу к тебе!

Алиса послушно выключила фонарь. На нее сразу навалилась темнота. И лишь далеко впереди покачивался, медленно приближаясь, огонек.

К тому времени, когда Пашка оказался рядом с Алисой, огонек приблизился настолько, что стало ясно — это фонарь, укрепленный на шлеме человека.

— Кто это? — спросил Пашка.

Алиса не ответила. Она отодвинулась немного назад, чтобы спрятаться за выступом скалы.

— Может быть, нас ищут со станции? — спросил Пашка.

— Они бы услышали, как мы переговариваемся.

— А может, это другая экспедиция? Мало ли кто опускается на дно? Геологи, вулканологи, зоологи.

Неизвестный остановился метрах в двадцати от Пашки с Алисой и начал крутить головой, светя вокруг.

Он что-то искал.

Вдруг в свете его фонаря засверкали пузырьки воздуха. Неизвестный увидел их и подошел к тому месту, откуда они поднимались. Он опустился на корточки и начал разгребать ил. Облако ила просвечивало изнутри.

Алиса переключила шлемофон на внешний прием, и стали слышны звуки океана. Человек ударял чем-то по металлу, потом раздался удар погромче, и вдруг снизу вырвался фонтан пузырей.

Удары по металлу возобновились.

— Ты понимаешь? — прошептал Пашка, накло-

няясь к шлему Алисы.

— Понимаю. И очень удивляюсь.

Любой бы удивился, увидев на дне неизвестного человека, который занимается ремонтом.

Не надо было быть гением, чтобы сообразить: здесь, под ущельем, расположена какая-то полость, наполненная воздухом. И в этой полости находятся люди.

Если бы это была научная база или лаборатория, Алиса с Пашкой узнали бы о ней еще на острове Яп, когда собирали материалы. Значит, здесь секретная база.

А это чепуха. К концу двадцать первого века на Земле уже не было не только тайных или секретных баз, но даже армий, бомб и пушек. Мысль о том, что можно убивать друг друга, чтобы отнять землю и города или навязать другим свой образ жизни, была людям двадцать первого века отвратительна. Самое главное правило: человек должен жить так, как он хочет, дружить с кем хочет, ходить и ездить куда хочет. Человек должен быть свободен. При одном условии: его свобода не должна наносить вреда другим людям. Вот этому научиться оказалось труднее всего. Но когда люди этому научились, оказалось, что число счастливых людей увеличилось в тысячу раз.

Конечно, не все люди через сто лет будут счастливыми. Такого не бывает. Останутся и обиды, и неразделенная любовь, и ссоры, и даже такие чувства, как зависть, ненависть и злоба. Не могут же все быть добрыми. Но если общество, в котором ты живешь, действует по правилам добра, то твоя злоба останется твоим личным делом. Твоя глупость — это твоя беда, твоя зависть — это твоя тревога. Мы станем терпимыми, и обязательным для всех будет чувство юмора. Улыбнитесь, будут говорить через сто лет врачи. Улыбнитесь, и вам станет легче. Такое лекарство поможет лучше любого аспирина.

— Надо его выследить, — сказал Пашка.

— Нет, — сказала Алиса. — Мы поднимемся наверх и сообщим о встрече на ферме. Пускай решают взрослые.

— Сингха нет. Дороти нам не поверит.

— Мы позвоним в Сидней.

— Постой, — возразил Пашка, — мы еще ничего не знаем. А вдруг это кладоискатель? Такой же, как я. Он тоже выловил бутылку и нашел подводную пещеру. А в ней сокровища атлантов.

Тем временем загадочный человек кончил трудиться, закрыл сумку, что висела на боку его скафандра, и, постояв немного, чтобы проверить,

не поднимаются ли пузырьки, побрел прочь.

— За ним! — прошептал Пашка, и не успела Алиса ответить, как он уже соскользнул со скалы.

Алиса съехала вниз за ним и поняла, что не знает, куда идти. Ил поднялся со дна, застилая расплывчатое пятно удаляющегося фонаря.

Ничего не видно. Ровным счетом ничего. Только в ушах неразборчивое ворчание Пашки, который наткнулся на скалу и не может выбраться на открытое место.

Конечно, надо было включить фонари, но тогда тот человек их наверняка увидит.

— В какую сторону идти, понимаешь? — спросил Пашка.

— Дай руку.

Алиса двинулась вперед, и через два шага пальцы ее перчаток натолкнулись на гладкую грудь Пашкиного скафандра. Оказывается, Пашка шел ей навстречу.

Алиса развернула Пашку.

— Видишь? — Алиса показала на пятно света впереди.

— Вижу.

И в этот момент свет погас.

— Наверное, он куда-то свернул, — сказал Паш-

ка. — Скорее.

— Или спустился вниз. Может быть, там у него люк.

Преодолевая сопротивление воды, они поспешили вперед по ущелью и лишь тут поняли, что свет исчез не потому, что неизвестный человек скрылся, — его перекрыло громадное черное тело.

Алиса успела включить шлемовый фонарь — на нее надвигался сгусток тьмы, который издавал низкий, утробный, почти неслышный звук.

Включить-то свет Алиса успела, но бежать было поздно: черная туша навалилась на нее, черная сверкающая кожа отразила свет фонаря, сверкнул яркий черный глаз… невероятная тяжесть подмяла Алису, закрутила, прижала к камням.

Алиса услышала, как вскрикнул Пашка.

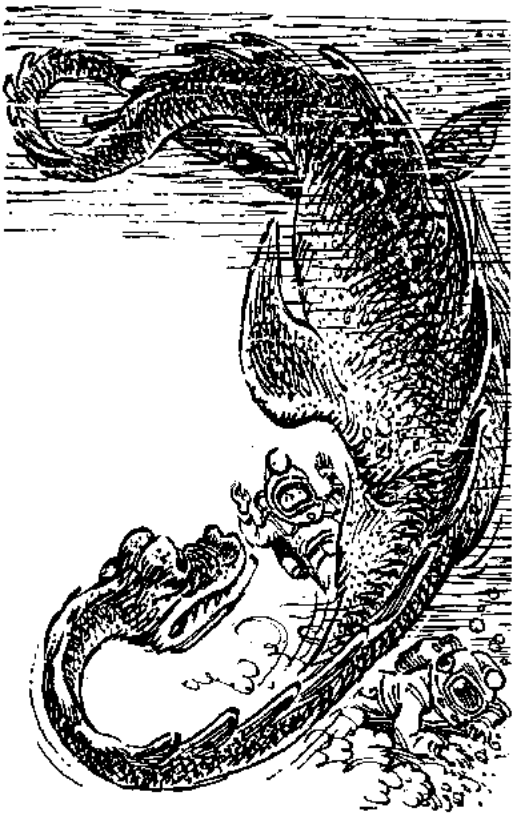
К счастью, скафандр рассчитан на большое давление, его не повредить даже кашалоту. Но разве об этом думаешь, когда в полной темноте на тебя наваливается абсолютно черный слон, а может, кто-то в десять раз тяжелее слона?

Давление ослабло — чудовище проплыло или проползло дальше.

Алиса хотела было подняться, но сделать это было трудно, потому что удар, поваливший ее,

был таким сильным и неожиданным, что у нее перехватило дыхание…

Она повернула голову, стараясь нащупать лучом фонаря Пашку, и увидела, что он неподвижно лежит в облаке ила. Но помочь Пашке Алиса не смогла: чудовище возвращалось. Его пасть, усеянная длинными острыми зубами, потянулась к Алисе.

Алиса подняла руку, защищаясь. Она со страхом подумала: неизвестно, выдержит ли скафандр

удар таких острых зубов? И в тот момент, когда Алиса поняла, что спасения нет, она услышала громкий свист. При этом звуке чудовище замерло, подняло голову… Затем отступило.

И Алиса потеряла сознание.

Алисе еще не приходилось терять сознания. А тут потеряла, да еще от страха. Поэтому Алиса никогда никому в этом не признается.

Она была без сознания совсем недолго, может быть, минуту. Но за это время Пашка, который ничего не видел, потому что лежал, зарывшись шлемом в ил, смог подняться, включить фонарь и отыскать Алису. Увидев, что ее глаза закрыты, он перепугался и принялся ее звать. От звука Пашкиного голоса она очнулась. Голова кружилась.

— Ничего, — сказала она слабым голосом, — ничего страшного.

В носу свербило, но, когда на тебе скафандр, невозможно почесать переносицу… Алиса громко чихнула, и Пашку это успокоило.

Он осмелел и был полон энергии.

— Ты видела? — воскликнул он. — Это был морской змей! Понимаешь, тот самый морской змей, которого видел капитан «Рочестера»! Мы с тобой сделали великое открытие. Скорее вставай, мы должны найти его логово.

— Пашка, — Алиса села, но встать не смогла — ноги не держали, — ты, кажется, забыл, что тут был человек.

— При чем тут человек! — завопил Пашка, но тут же спохватился и замолчал. Молчал он недолго. Ровно столько, чтобы Алиса смогла подняться на ноги. — Пошли скорей! — наконец сообразил Пашка. — Разве ты не понимаешь, что теперь морской змей погнался за тем человеком. Он его догонит и сожрет!

— Нет, — сказала Алиса.

— Почему нет?

— Потому что тот человек умеет командовать морским змеем.

— А ты откуда знаешь?

— Я слышала, как он приказал змею оставить нас.

— А почему я не слышал?

— Не знаю.

— Тебе не показалось?

— Нет, я слышала свист.

— Значит, это он отправил бутылку, — заявил Пашка. — Он живет здесь в плену у морского змея… Мы должны его спасти.

— Пашенька, — сказала Алиса устало, — не сходи с ума. Лучше сначала подумай.

— Может, я и погорячился, — сказал Пашка. — Но главное — мы обязаны его найти. Если устала, возвращайся в батискат. И жди меня.

— Давай оба вернемся в батискат.

— И потеряем драгоценное время?

И Пашка пошел по ущелью вслед за морским змеем. Алисе стало ясно, что Пашку не остановить. Пришлось идти следом.

Голова у нее разболелась, ноги были как ватные. Ей казалось, что они идут уже три часа, хотя в самом деле прошло минут десять. Ущелье тянулось прямо, впереди никого не было — ни змея, ни человека.

— Паш, — сказала наконец Алиса, когда поняла, что сил больше нет, — давай вернемся.

— Сейчас.

Пашка остановился. Алиса подумала, что он согласен вернуться к батискату, но вместо этого Пашка присел на корточки и торжествующе произнес:

— Попались, голубчики!

Алиса подошла поближе.

Пашка склонился над крышкой люка. Люк был круглым, каменным. Ила на нем не было — значит, его недавно открывали.

Пашка вытащил нож и постарался всунуть

его в щель. Это было неразумно, но у Алисы не было сил спорить. Пашка надавил на нож, и его стальное лезвие благополучно обломилось.

В отчаянии Пашка начал стучать о крышку люка кулаком. Но камень гасил звук. С таким же успехом можно было стучать по скале.

— Я придумал, — сказал Пашка. — Мы пригоним сюда батискат и взломаем люк манипуляторами.

— Погоди, — возразила Алиса. — Мы не знаем, кто там таится. И они нас в гости не звали. Тебе бы понравилось, если бы кто-нибудь у тебя взломал дверь?

— Не понравилось, — согласился Пашка. — А что ты предлагаешь?

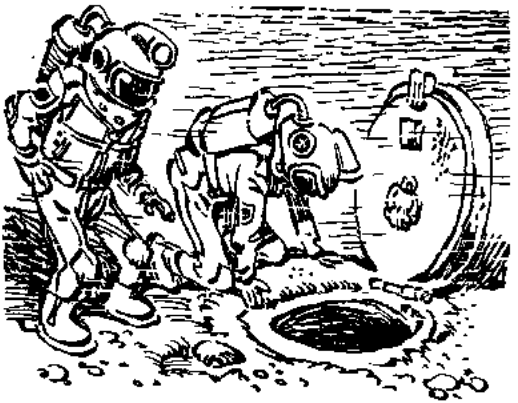
— Вернуться наверх.

— Я вернусь на остров, и мое великое открытие сделают другие. Лучше уж я попаду в плен, а ты будешь меня спасать.

Конечно, Пашка шутил, но ясно было, что вытащить его из ущелья можно только подъемным краном.

Луч фонаря упал на небольшой камешек. Пашка со злостью пнул его ногой, камешек не шевельнулся. Пашка рассердился и еще раз ударил по нему. И вдруг камешек отъехал в сторону,

а люк, как бы подчиняясь движению камешка, медленно откинулся.

— Видишь, а ты говорила, что мне не открыть, — сказал Пашка.

— Ты ногу не ушиб?

— Потерплю. Давай спустимся, поглядим — и сразу обратно. Не отказываться же от такого приключения.

И, чтобы не слышать Алисиных возражений, Пашка быстро ступил в отверстие, и через несколько секунд его голова скрылась внутри.

— Стой наверху, — услышала Алиса голос друга. — И подстраховывай меня.

Но Алиса не послушалась. Оставлять Пашку одного ей не хотелось, да и стоять одной в черном ущелье, где плавают морские змеи, не очень приятно.

Алиса заглянула в шахту, далеко внизу вода светилась от Пашкиного фонаря.

— Пашка, ты что делаешь? — спросила она.

— Опускаюсь, — сказал Пашка. И через секунду добавил: — Опустился.

Тогда Алиса последовала за ним. Вот и дно колодца… Совсем близко закругляется каменная стена…

Она посветила фонарем вверх и вдруг увидела, что крышка люка медленно закрывается.

— Пашка, смотри!

— Ничего, — ответил Пашка храбрым голосом. — Выпутаемся. Главное — идти вперед.

Идти было некуда. Они были заперты, как жуки в узкой высокой банке.

У ног в стене колодца открылось забранное решеткой отверстие, и вода, урча, хлынула туда.

— Это переходник, — сказал Пашка спокойно. — Сейчас вода уйдет, и мы выйдем.

— Куда? — спросила Алиса.

Как только вода ушла из колодца, в его стене со скрипом отворилась железная дверь. За ней

было светло.

Там стоял старый человек в скафандре, но без шлема. Лицо его было бледным и усталым.

— Выходите, дети, — сказал он по-русски.

Глава 3
Пленники атлантов

Алиса с Пашкой оказались в обширном зале с низким каменным потолком.

Под потолком тянулся ряд позеленевших бронзовых светильников. Некоторые горели, некоторые погасли, и оттого часть пещеры была погружена в полумрак.

Старик подошел к стене возле двери в колодец, повернул медный рычаг, и дверь медленно, со скрипом, закрылась.

Что-то в старике удивляло. Но что?

Во-первых, скафандр. Он был непрозрачный, темно-синий, с золотым поясом и золотыми манжетами, на плечах — небольшие крылышки, тоже из золота, одно, правда, обломано. Потом Алиса разглядела и шлем старика, который лежал на широкой каменной тумбе у стены пещеры. Шлем был украшен продольным золотым гребнем, словно шлем древнегреческого воина.

А лицо старика? Странное лицо. Очень бледное, почти голубое, без морщин, с глубоко запавшими темными глазами. Длинные седые волосы были

собраны в пучок на затылке. Бороды не было, но жидкие усы, свисающие от углов рта, придавали лицу грустное выражение, какое бывает у голодной собаки.

Старик сказал:

— Можно снять шлемы.

Ребята отстегнули крепления и откинули шлемы на спину.

Потом старик спросил:

— Следили?

— За кем? — Пашка сделал большие глаза.

— Следили, следили, — проворчал старик. — Ходят тут, следят, подглядывают…

— Мы сначала не следили, — сказала Алиса. — Но потом на нас напал морской змей.

— Какой морской змей? — Старик глядел на них рассеянно, будто думал о другом.

— Морской змей! — сказал Пашка. — Редчайшее животное. Мы уже сто лет его ищем.

— Змей? Эмпедоклюс, что ли? — спросил старик. — Он играл. Молодой еще.

— Он у вас прирученный? — догадался Пашка. — И откликается на имя? А мы испугались, что он на вас напал.

— Значит, вы увидали, побежали, в колодец полезли — меня спасали?

Старик поморгал и глубоко вздохнул.

Какое-то шуршание послышалось неподалеку.

Алиса обернулась — в полутьме, в дальнем конце зала, мелькнула розовая фигура.

Старик тоже обернулся. И сразу сжался, понурился.

— Пошли, — сказал он, — пошли, чего уж там! Я вас не знаю, вы меня не знаете, залезли куда не просили, теперь плохо будет.

И он, волоча ноги, побрел к низкой металлической двери. Дверь была обита золотыми полосками. Старик повернул массивную изогнутую ручку.

Пашка толкнул Алису.

— Сто против одного, — шепнул он, — это самая настоящая Атлантида!

Старик отворил дверь, и они увидели уходящий наклонно вниз узкий коридор. Видно, старик услышал слова Пашки, потому что, не оборачиваясь, проворчал:

— Атлантида! Мы уж забыли, а они ищут. Была Атлантида, да потонула…

Под потолком тянулась цепочка светильников. Теперь Алиса смогла их разглядеть. Каждый светильник представлял собой разинутую пасть змеи, в которую, подобно белому яйцу, была

вставлена лампа. Лампы были электрическими, некоторые разбиты или перегорели. Стены коридора выложены камнем, но тщательно обтесанным.

Вдруг Пашка, который шел спереди, ахнул и отшатнулся.

Он больно ударил Алису откинутым на спину шлемом.

— Ты что? — спросила Алиса и тут же увидела, что его испугало.

В неглубокой нише стояла позолоченная человеческая фигура с шестью руками. Страшные тонкие губы были растянуты в улыбке, на шее висело ожерелье из белых черепов.

— Не бойтесь, дети, — раздался голос старика. — Это бог невредный. Только пугает.

— Ну и боги у вас, — проворчал Пашка, который не любил, чтобы кто-то замечал его слабости.

Старик не ответил.

Коридор расширился. Вдоль стен потянулись длинные низкие скамьи со спинками в виде переплетенных змей. Скамьи были каменными, змеи — бронзовыми.

«Что же меня так настораживает?» — думала Алиса.

И поняла: пустота и тишина.

Они шли уже несколько минут, но никого не встретили, ни с кем старик не разговаривал, словно он один жил в этом подводном царстве. Как капитан Немо в «Наутилусе».

Старик открыл еще одну дверь и сказал:

— Здесь будете сидеть. Ждите, пока Госпожа скажет, что с вами делать.

— Какая госпожа? — спросила Алиса.

— Мы люди маленькие, — ответил старик, глядя куда-то мимо Алисы в стену. — Ходим, чиним. Все течет, все капает, все прохудилось. Все кричат: «Где Гермес? Почему капает?» А я вам скажу, — старик перешел на громкий шепот, — потому капает, что сверху вода.

С этими словами старик вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Алиса обернулась и поняла, что изнутри в двери нет ручки.

— Подождите! — крикнула она, бросаясь к двери.

Алиса несколько раз ударила кулаком в дверь.

— Не суетись, Алиса, — сказал Пашка. — Ты мешаешь мне думать.

Алиса обернулась.

Ее друг стоял у длинного низкого стола и разглядывал предметы, лежавшие на нем. Там было множество вещей, сваленных без всякой системы. Банки из-под пива, кучка ржавых гвоздей, карманные старинные часы, обросшие кораллами, кусок доски с надписью «SANTA MARIA», человеческий череп, сабля с обломанным клином, почти целая фарфоровая тарелка, мятая канистра, медный чайник с отломанным носиком, скелет рыбы…

Пашка извлек из-под расколотого блюда несколько потемневших серебряных монет.

— Талеры, — сказал он. — Им лет пятьсот.

Он стал разглядывать, что написано на талере.

— Как ты думаешь, — спросила Алиса, — куда мы попали? Может, это в самом деле… подводные археологи?

— Археологи? — Пашка фыркнул. Алисины слова рассмешили его. — И сколько же лет они вырубали в базальте свою базу, забыв сообщить

об этом в видеогазеты? Неужели тебе все еще не понятно?

— Сейчас ты опять скажешь: Атлантида!

— Этот старик — последний атлант. А пещеры — осколки некогда великой и могучей империи.

— Но ведь Атлантида была в Атлантическом океане, а это Тихий.

— Удивительный народ — скептики, — ответил снисходительно Пашка. — Ты что, веришь старику Платону, который записал туманные слова египетских жрецов? А откуда знали про Атлантиду египетские жрецы? От моряков. А куда плавали египетские моряки? В Индию и Китай. Ну и, конечно, в настоящую Атлантиду, которая была расположена на островах.

— А как ты объяснишь, что он разговаривал с нами по-русски?

— Зачем объяснять? — нашелся Пашка. — Скажи, на каком языке разговаривали между собой атланты?

— Не знаю, — растерялась Алиса.

— А я вот читал в старом журнале, что русский язык в античном мире был очень распространен. Кто были этруски?

— Они жили в Италии еще до римлян.

— Вот именно. Этруски — это таинственный

народ, язык которого до конца так и не удалось разгадать, даже с помощью самых современных компьютеров. Но кое-что известно. Этруски приплыли в Италию из-за моря в древние времена и построили там много городов, даже Рим. Но потом римляне их победили. И этруски куда-то делись. Один очень образованный человек, кандидат химических наук, еще сто лет назад написал статью, что этруски — это предки русских. Слышишь: эт-руски! И говорили они по-русски. Разве исключено, что они спаслись из Атлантиды, когда она утонула? И тогда все становится на свои места: атланты — это этруски, этруски — это русские, и мы с тобой по-своему атланты.

— Трудно поверить, — сказала Алиса.

— К сожалению, даже сто лет назад тому открывателю никто не поверил. И знаешь почему?

— Почему?

— Из зависти. Каждому хочется сделать великое открытие. А если не удалось, он начинает завидовать тому, кто сделал.

— Мне трудно с тобой согласиться, Пашка, — сказала Алиса. — Даже если это атланты да к тому же этруски, неужели они столько тысяч лет говорят на современном русском языке? А мне даже стихи Ломоносова трудно читать — так

язык изменился.

— Ничего удивительного, — упорствовал Пашка. — Они следили за событиями. Выныривали и подслушивали.

Алиса поняла, что Пашку не переспоришь. Она отстегнула шлем и положила его на круглый табурет. Сиденье табурета было выточено из черного дерева, а ножки — из розового коралла.

Пашка с увлечением разбирал старые монеты. Но Алисе было тревожно. Зачем надо было их запирать? Куда исчез этот старик? Странный атлант — говорит по-русски, живет под водой, дрессирует морского змея… Алиса стояла возле стола с трофеями и разглядывала вещи, надеясь отыскать какой-нибудь ключик к этой тайне. И вдруг она увидела бутылку. Пузатую зеленую бутылку.

— Пашка! — сказала она. — Что ты на это скажешь? — Она подняла бутылку и показала ему.

— Точно! — воскликнул Пашка. — Как бы сказал Шерлок Холмс: это последняя точка в цепочке тайн. Преступник найден! Этот старик вызывал нас на помощь! Это он кинул бутылку с запиской. Все ясно!

— Ничего не ясно, — сказала Алиса. — Если кинул, почему не обрадовался, когда мы пришли?

— А что, если кинул не он? — Глаза Пашки загорелись. — А что, если здесь есть тюрьма? И он держит в ней тех, кто потонул после кораблекрушения? Алиса, слушай, когда он придет, о записке ни слова! Мы объединимся с его жертвами и поднимем восстание.

Алиса только вздохнула. Пашка — хороший человек, умеет так увлечься собственной идеей, что начинает верить: это не глупая идея, а единственная и окончательная правда.

Она почувствовала, что устала. Ведь с раннего утра на ногах, подумать только, сколько всего вместилось в этот день — от находки бутылки до подводного плена. А день еще только перевалил за половину.

Пашка закончил изучение монет и занялся детективной работой. Алиса сидела устало на скамейке и смотрела, как он тщательно простукивает стены и пол.

— Камень, — говорил он деловито и делал шаг дальше. — Камень, — повторял он.

Алисе было холодно. И душно. Такое неприятное сочетание — извечный каменный холод и духота. Снять скафандр? Станет еще холоднее. «Глупая, — сказала она сама себе, — ведь в скафандре должно быть отопление!» Алиса отыскала

кнопку обогрева.

— Перегородка! — торжественно объявил Пашка. — Я же говорил!

В той стороне комнаты, где он выстукивал стену, было полутемно. Поэтому Алиса и не заметила небольшую дверь, покрашенную под камень.

Внезапно дверь медленно отворилась.

Пашка от неожиданности отпрыгнул.

В дверях стояла странная фигура. Это была очень толстая, невысокого роста женщина с длинными, до пояса, черными спутанными волосами.

На голове у нее сверкал золотой обруч, в который спереди был вставлен большой красный камень. Женщина была одета в зеленое, до земли, платье, расшитое золотыми рыбками и змеями. На груди в несколько рядов висели ожерелья из драгоценных камней и маленьких раковин.

Алиса не сразу разглядела ее лицо, потому что оно было скрыто волосами. На нее в упор глядели маленькие черные пронзительные глаза, близко посаженные к крючковатому острому носу. Губы были тонкие, голубые.

— Это вас Гермес поймал? — спросила женщина пронзительным голосом.

«Ага, — подумала Алиса, — значит, старик здесь не один. Атлантида населена. И все знают русский язык».

— Здравствуйте, — сказал Пашка. — Скажите, почему нас заперли?

— Потому что к нам нельзя! Это нарушение закона.

— Нам ваши законы неизвестны, — сказал Пашка. — А по нашим — людей запирать нельзя.

— А разве мы вас звали?

— Звали, — сказал Пашка.

— Я не звала. Значит, никто не звал.

— А кто вы такая, что за всех отвечаете?

— Я — наследница Афродита. Скоро Госпожа Гера умрет, и я буду править Атлантидой. Я вам нравлюсь?

— Не очень, — честно признался Пашка.

— Тогда вас придется казнить. Я здесь единственный ребенок. Больше нам детей не нужно.

Тем более таких грубых.

— Я с вами не согласна, — сказала Алиса. — Я думаю, что нас лучше отпустить, и вы останетесь одна.

Наследница Афродита задумалась. Она грызла ноготь и сопела.

Наконец она додумалась.

— Нет, — сказала она. — Если вы обещаете, что не будете драться со мной за трон, я вас оставлю здесь. Мне совсем не с кем играть. А у меня есть тысячи кукол. Мне папа дарит.

— Я не играю в куклы, — сказала Алиса.

— Значит, ты хочешь отнять мой трон?

И тут наследница уселась на пол и начала громко рыдать.

В дверь вбежал лысый толстяк в красной тоге. В руке у него был кинжал с хищно загнутым лезвием.

— Убийцы! — закричал он. — Не смейте оби-

жать ребенка!

Он погрозил Пашке кинжалом, но тут же забыл о нем, кинулся к наследнице, присел рядом с ней на каменную скамью и принялся ее утешать.

Алиса не поняла, что он говорит, но по тому, как лысый толстяк гладил длинные спутанные волосы наследницы, было ясно, что он ее очень любит и расстраивается из-за ее несчастий.

Афродита, всхлипывая, опустила голову на грудь толстяку.

Пашка с Алисой молча смотрели на эту сцену, не решаясь что-нибудь сказать.

Через несколько минут наследница стала всхлипывать все тише и тише, а потом вдруг захрапела. Да так громко, что Пашка не выдержал и прыснул от смеха.

Толстяк зашипел на него как змея. Пашка осекся. Толстяк поднатужился, подхватил наследницу под коленки, обнял другой рукой за плечи, поднял и, покачиваясь от натуги, унес из комнаты.

— Пашка, — сказала Алиса уверенно, — мне тут не нравится.

— А мне, — ответил упрямо Пашка, — даже очень нравится. Таких приключений у меня давно не было.

— Боюсь, — сказала Алиса, — что они только

начинаются.

В этот момент большая дверь медленно отворилась, и вошел старик, который взял их в плен.

— Скучали? — спросил он.

Старик говорил ровным голосом, будто ему все равно, скучали они или нет, хотят сидеть в каменном мешке или не хотят. Надо говорить — он говорит. А может и не говорить.

— Мы не скучали! — ответил Пашка. — У нас были гости.

— Кто? — спросил старик.

Его голова медленно поворачивалась, будто ему легче было поворачивать всю голову, чем двигать глазами. Наконец он заметил открытую дверь в глубине комнаты.

— А я забыл, — сказал он, — что тут есть вторая дверь. Госпожа Гера будет сердиться. Как же ты, Гермес, скажет она, забыл, что там есть вторая дверь? Вот мне и конец придет. Вы ведь сбежать могли.

Алиса и Пашка заметили, что старик переоделся в длинную, до земли, темно-зеленую тогу. На ней была вышита серебряная змея, которая несколько раз обвивала старика, а ее разинутая пасть оказалась у него под подбородком. Казалось, еще секунда — и змея цапнет Гермеса за нос.

Рукав тоги был разорван и кое-как сшит серыми нитками.

Старик пересек комнату, заглянул в маленькую дверь. Там было тихо.

— Эй! — крикнул он в темноту. — На совет, на совет! Госпожа сердится.

— Жалко, что у нас нет оружия, — сказал Пашка. — Не представляю себе, как буду тебя защищать.

Старик обернулся к ним и долго смотрел, словно не узнавал.

— Вы что здесь делаете? — спросил он наконец. — Здесь чужим нельзя.

— Мы сразу уйдем, — сказала Алиса. — Только покажите нам дорогу.

— А! — вспомнил старик. — Вы за Эмпедоклюсом гонялись. Теперь вас судить будем. Наверное, засудим, правда?

— Учтите, — строго сказал Пашка, — нас будут искать. И когда найдут, преступников настигнет заслуженная кара.

Алиса поняла, что Пашка вспомнил какой-то приключенческий роман.

— Настигнет — постигнет, — ответил старик. — А сверху все течет. Скоро протечет совсем, вот нам и крышка. Пошли, что ли?

Глава 4
Смерть пришельцам!

Старик вел их по скудно освещенным лестницам и коридорам. Алиса старалась запомнить все повороты, но это было невозможно: под океаном обнаружился целый подземный город… И тут Алиса ахнула от удивления.

За небольшой дверью открылся зал, второго такого на Земле не отыскать. «Наверное, — подумала Алиса, — рабы атлантов трудились сотни лет, чтобы его создать».

Зал был слабо освещен, и поэтому сначала казалось, что ты вошел в бесконечный лес. Прямыми рядами стояли колонны стволов, каждая больше метра в диаметре, вершины их исчезали в полутьме, и представлялось, что там, наверху, клубится густая листва.

Когда глаза привыкли к полутьме, стало понятно, что это не деревья, а каменные столбы. Каменотесы тщательно вырезали каждую полоску коры, каждый сучок. Потолок в самом деле состоял из ветвей и листьев, но и они были вырезаны из камня. Этих гигантских каменных

деревьев было столько, что границы зала скрывались в бесконечности. Когда-то деревья были раскрашены. Кора их была коричневой и золотой, листья зелеными. Но краска сохранилась лишь в отдельных местах, а там, где она облезла, был виден серый камень.

Пол в этом зале был гладким, сложенным из зеленых керамических плиток. На плитках были нарисованы цветы и бабочки, жуки и пчелы… Да так тонко, что страшно было на них наступить.

Алиса с Пашкой замерли на пороге зала. Старик же прошел вперед. Через несколько шагов, сообразив, что шаги пленников не слышны, он обернулся.

— Вы чего оробели? — спросил он. — Леса не видели?

— Кто это сделал? — спросил Пашка.

— Атланты, — ответил старик. — Старались, убивались, а зачем? Сик транзит глория мундис, что означает: «Так проходит земная слава».

Каждый шаг гулко раздавался в каменном лесу, и от этих звуков лес казался еще необозримее.

Зал заканчивался аркой, которая опиралась на колонны из белого коралла, обвитые зелеными нефритовыми змеями.

При приближении людей двери в арке медлен-

но раскрылись, и Алисе почудилось, что сейчас она увидит стражей в латах с кривыми мечами, как в сказках Шахерезады. Но стражей не было: за дверями оказался еще один зал. В нем стояло множество скульптур. Некоторые из них были знакомы по учебнику античной истории.

Пашка задержался, любуясь мраморной статуей воина, поднявшего меч. Мрамор был белым, теплым, почти живым.

Следующая дверь оказалась пастью злобной драконьей рожи. Словно громадный красный язык, эту пасть перекрывал алый занавес.

Старик остановился перед ним в растерянности. Потом поглядел на Алису и сказал:

— Закрыто.

— Открыто! — послышался резкий, высокий голос изнутри.

— А вроде бы закрыто, — все еще сомневался Гермес.

Но все же откинул занавес. Алисе показалось, что чудовище облизнулось алым языком.

Алиса ожидала увидеть еще один огромный зал, но вместо этого они оказались в довольно небольшом, но высоком помещении. Всю заднюю стену занимала золотая кобра. Змея свернулась кольцами и высоко, к самому потолку, подняла

раздутую шею, которая кончалась маленькой злобной головой и разинутым ртом. Изо рта высовывался усыпанный жемчужинами раздвоенный язык. Кольца змеи образовывали как бы сиденье трона, а шея и голова — спинку.

На троне восседала худая старая женщина с жемчужной диадемой в седых волосах. Она была одета в розовое платье, расшитое серебряными звездами. Лицо ее было голубым, глубоко запавшие глаза — черными. Женщина сидела неподвижно и сама казалась статуей.

По обе стороны трона тянулись низкие скамьи, на которых лежали плоские подушки. Справа от розовой женщины, которая, как поняла Алиса, и была Госпожой Атлантиды, на скамье сидел еще один старик. В отличие от нее и Гермеса, который привел пленников, он был одет скромно, даже бедно. На нем была серая мятая тога и серый высокий колпак. Ни одного украшения, если не считать медного браслета на правой руке.

Старик Гермес, введя пленников, спросил у Госпожи:

— Мне что, уйти или садиться?

— Глупый, — сказала женщина, — ты член Совета. Опять забыл?

— Он скоро забудет, как его зовут. — Человек в

сером улыбнулся одними губами, глаза остались печальными.

Старик послушно поднялся на несколько ступеней и уселся на скамью по левую руку от Госпожи. И сразу задремал.

— Кто вы? — спросила женщина в розовом. —

Зачем вы пришли сюда?

— Я — Алиса Селезнева, — ответила Алиса. — А это мой друг Павел Гераскин. Мы проходим биологическую практику на острове Яп, на океанской ферме.

— На ферме? — Госпожа подняла тонкие брови. Видно, ей было незнакомо это слово.

— Это такое хозяйство, — пояснила Алиса. — Там разводят морских животных, пасут кашалотов и дельфинов…

— Сколько лет тебе? — спросила Госпожа.

— Двенадцать, — ответила Алиса.

— А твоему другу?

— Мне тоже двенадцать, — сказал Пашка. — Только я не понимаю, что происходит? Мы ничего плохого не хотели, а нас заставили сюда прийти, как будто мы пленники.

— Вы пленники, — сказала Госпожа. — Таков закон Атлантиды. Никто, попавший сюда, не уходит живым.

— Но мы не знали вашего закона, — сказала Алиса.

— Незнание закона не освобождает от его выполнения, — сказала Госпожа.

— Какие-то средневековые порядки! — возмутился Пашка. — Спускаешься под воду с исследо-

вательской миссией, тебя хватают и еще грозят. Вы должны радоваться, что мы вас нашли.

— Интересно, — сказал мужчина в сером, — почему мы должны радоваться тому, что вы забрались туда, куда вас не звали?

— Мы же не нарочно! — воскликнул Пашка. Он уже забыл, почему опустился в подводное ущелье, и чувствовал себя невинной жертвой.

— Глупые детишки! — вдруг проснулся старик Гермес. — Лезут, не спросясь, не знают куда. Я пойду, Госпожа Гера? А то опять течет.

Он показал костлявым пальцем на потолок, и все послушно подняли головы. На потолке, когда-то побеленном и раскрашенном желтыми узорами, расплылось большое влажное пятно.

— Помолчи, — поморщилась Госпожа Гера. — Сначала Совет, сначала приговор, а потом иди куда хочешь. Я предлагаю: за нарушение закона пришельцев убить.

— Как убить? — удивился Пашка.

— Мне лично вас жалко, — сказала Госпожа, — но я подчиняюсь закону. — Она обернулась к серому человеку: — Что ты скажешь, Посейдон?

— Я уважаю закон, — сказал серый человек. — Но он ничего не говорит о казни детей.

— Не все ли равно, сколько лет человеку? —

возразила Госпожа. — Закон ничего не говорит, потому что он относится ко всем.

— Я полагаю, — сказал Посейдон, — что самым разумным будет оставить пленников здесь. Нам нужны рабочие руки. Им все равно не убежать.

— Через час нас начнут искать! — выкрикнул Пашка. — И тут же локаторы найдут наш батискат. И еще через два часа вас будут судить уже по нашим законам.

«Какой дурак!» — подумала Алиса. Но было поздно.

— Мальчик прав, — сказала Госпожа Атлантиды. — Мы забыли о их подводном корабле. Посейдон, прошу тебя, перегони их корабль в наш ангар.

— Вы не знаете, как им управлять! — испугался Пашка. — Вы его сломаете.

— Я видел на моем веку много подводных кораблей, — улыбнулся одними губами Посейдон. Он поднялся и обратился к Госпоже: — Прошу мое мнение учесть при решении Совета.

— Твое мнение будет учтено, — ответила Госпожа.

— Стойте! — Пашка хотел было броситься следом за Посейдоном, но Госпожа так властно сказала: «Ни с места!», что Пашка остановился.

— А ты, Гермес, — улыбнулась Госпожа, глядя на Гермеса, который клевал носом, стараясь удержаться от дремоты, — ты понимаешь, что закон нарушать нельзя?

— Закон для всех один, — ответил Гермес. — Закон я знаю.

— И ты согласен со мной?

— Я всегда согласен, — ответил старик. — Мне идти пора, вода капает.

— Тогда скажи: «Пришельцы приговариваются к смерти».

— А? — Старик бессмысленно смотрел на Госпожу, и у Алисы возникло желание закричать: «Не слушайте ее!»

Затем мутный взор старика переполз на Алису и Пашку.

— Кто такие? — спросил он. — Я не помню.

— Скажи: смерть!

— Это… — Старик долго жевал губами. Потом светлая мысль посетила его. — Дай их мне, — сказал он. — Будем чинить. Сил не хватает, никто мне не помогает. Я их научу. Пускай помогают, а?

— Ты ничего не понял, старый дурак! — рассердилась Госпожа.

— Куда мне понять…

Алый занавес отлетел в сторону, и в комнату ворвались толстяк и наследница Афродита.

— Почему без нас заседаете? — закричал толстяк с порога. — Опять заговор?

— Мы вас звали, — устало ответила Госпожа. — И не наша вина, что вы гуляете неизвестно где.

— Почему неизвестно где? — возмутился толстяк. — У ребенка был нервный шок.

Толстяк помог наследнице подняться на ступеньки, и они заняли место Посейдона.

— Меркурий, — обратилась Госпожа к толстяку, — мы судим пришельцев, которые нарушили закон и проникли в Атлантиду. Мы приговорили их к смерти. Ты согласен?

— Согласен, согласен, — быстро ответил толстяк. — Они нам угрожали. Моя девочка в опасности.

— Значит, все решено. Единогласно.

— Чепуха какая-то, — возмутился Пашка. — Я протестую. Я требую защитника!

— Правильно! — закричала вдруг наследница. — Я скоро умру от скуки. Мне не с кем играть. Мне прислали сверху детей, чтобы я играла, а злая Гера хочет их убить. Папа, прекрати!

— Да, кстати, — тут же изменил свою позицию толстый Меркурий, — почему их нужно казнить,

когда моей девочке не с кем играть? Нет, я не позволю. Опять заговор против моей девочки. Гера, тебе пора уступить ей место. Ты стара и зла.

Алиса слушала эту перепалку как во сне. Такого быть не могло. Мы живем в конце двадцать первого века, когда на Земле не убивают людей. Может, они шутят? Может, это спектакль?

— Вы не понимаете! — Госпожа Гера поднялась с трона и протянула вперед руку: — Если нарушить закон единожды, закон погибнет. Погибнет закон — погибнет Атлантида. Своей властью я приказываю: Гермес и Меркурий, отведите пришельцев к внешнему люку и утопите!

Она была грозной и страшной. Казалось, что из ее глаз вылетают черные стрелы. Остальные в зале оробели и молчали…

Пауза тянулась долго, словно все окаменели, заколдованные.

Вдруг занавес откинулся, впуская Посейдона.

— Все, — сказал он, — их корабль спрятан. Что решил Совет?

— Совет моей властью постановил — смерть! — произнесла Гера.

Посейдон окинул взглядом комнату. Потом обернулся к Алисе.

— Это правда? — спросил он.

— Она не вправе отвечать, — сказала Госпожа Атлантиды.

— Это ложь, — сказала Алиса.

— Здесь решаю я! — Госпожа была неумолима. — Я — это закон. И много лет уже я его охраняю.

— Что ты думаешь, Меркурий? — обернулся Посейдон к толстяку.

— Я против! — воскликнул толстяк. — Моей девочке не с кем играть, а вы тут топите детей.

— А ты, Гермес? — спросил Посейдон.

— Ты о чем? Прости, я задремал, может, чего пропустил?

— Задремал или притворился?

— Пускай дети живут, — быстро ответил Гермес. — Мне помощники нужны. Ты не сердись, Госпожа, все течет, чинить некому.

— Атланты не убивают детей, — сказал Посейдон. — Решение Совета: оставить им жизнь. Ты

одна против.

— Решение Совета: смерть пришельцам!

— Я увожу детей, — сказал Посейдон. — Им не следует слушать дрязги стариков.

Он поднял руку, жестом приказывая пленникам следовать за ним.

Красный занавес всколыхнулся и мягко опустился сзади. Они снова оказались в зале скульптур.

Вслед несся крик Госпожи Геры:

— Они приговорены и будут убиты!

— Фапофадофажди, — сказала Алиса Пашке, пользуясь старым школьным кодом. — Фамыфаосфатафанемфася фаодфани.

— Фапофанял, — ответил Пашка.

— Фавлефасу, — сказала Алиса.

Пашка кивнул. И на самом деле, каменный лес — лучшее место, чтобы убежать.

Они миновали зал скульптур. Алиса оглянулась. Посейдон брел шагах в трех сзади, его серая тога волочилась по камням.

Вот и каменный лес.

Алиса почувствовала, как напрягся Пашка.

— Беги, — шепнула она. — Налево.

Пашка послушно бросился налево. Алиса побежала в другую сторону. Она не оглядывалась,

главное было — оторваться от Посейдона. Ей казалось, что она бежит по настоящему лесу, вот только нет кустов, чтобы спрятаться. Она обогнула один ствол, второй, третий… Впереди, уходя в бесконечность, стояли такие же громадные колонны.

И вдруг со всего размаха Алиса врезалась в стену.

Она настолько не ожидала этого, что ушиблась и упала на пол.

Лес был обманом! Всего-то в нем оказалось шесть рядов деревьев, а за ними — зеркальная стена.

Алиса постаралась подняться, ноги скользили по кафельному полу, по нарисованным цветочкам и бабочкам. «Гадкий мир, — подумала Алиса, — все ненастоящее!» Сзади раздался крик.

Алиса обернулась.

Посейдон спокойно ждал в проходе между деревьями. А чуть дальше был виден Пашка, который колотил кулаками по зеркальной стене и громко проклинал Атлантиду и всех атлантов.

— Пашка, за мной! — крикнула Алиса.

Она побежала к выходу из зала. Пашка за ней.

Но выйти из зала не удалось. В его дверях стоял, нервно колотя себя хвостом по бокам и разевая

розовую пасть, огромный лев.

Алиса начала отступать.

Лев сделал шаг за ней.

Кто-то толкнул Алису. Это был Пашка. Он встал перед Алисой, закрывая ее собой. У Пашки, может быть, много недостатков. Но он никогда не оставит товарища в беде.

Лев стоял с раскрытой пастью. Пашка и Алиса, замерев, глядели на льва.

Сзади подошел Посейдон и спросил:

— Ну что, набегались? Пойдем дальше?

Пленники ничего не ответили.

Посейдон поднял руку, щелкнул длинными сухими пальцами. Лев растворился в воздухе.

— Голограмма, — сказал Посейдон.

— Ага, — перевел дух Пашка. — Я так и подумал.

— Нет, — сказал Посейдон. — Ты так не подумал. Иначе бы прошел сквозь него. Идите направо.

Справа была небольшая дверь. Алиса повернула изогнутую бронзовую ручку, и дверь послушно открылась.

За дверью обнаружилась небольшая комната с длинным столом посредине. Вдоль стола были расставлены кресла с резными спинками. На столе стояло несколько сосудов, закрытых

крышками.

Посейдон закрыл за собой дверь и сказал:

— Если вам нужно вымыть руки и привести себя в порядок, туалет в соседнем помещении.

— Зачем мыть руки, если вы собираетесь нас убивать? — спросил Пашка.

— Очень неприятно убивать грязных детей, — совершенно серьезно ответил Посейдон. — К тому же здесь тепло, вы можете снять скафандры, наверное, надоело в них ходить.

Когда Пашка с Алисой мыли руки в небольшой комнатке, где стояла низкая золотая ванна и из кранов в виде птичьих голов тонкими струйками лилась пресная вода, Алиса сказала:

— Знаешь что, Пашка?

— Что? — Пашка, ополоснувшись, принялся простукивать стены. Он надеялся, что можно будет убежать оттуда.

— Я думаю, что нас не будут убивать.

— В любом случае я им так просто не дамся, — сказал Пашка.

Алиса сняла скафандр и положила его на низкий каменный стол. Потом причесалась, глядя в мутное овальное зеркало. Пашка скафандра не снимал.

— Вроде бы нас собираются кормить, — сказала

Алиса.

— Могут и отравить, — предупредил Пашка.

Алиса приоткрыла дверь в большую комнату. Посейдон сидел за столом, подвинув к себе один из сосудов, и мирно черпал оттуда серебряной ложкой суп. Он увидел, что дверь в туалет приоткрылась, и сказал, улыбаясь:

— Фазафахофадифате, а то суп остынет. И в следующий раз придумайте код посложнее. Нельзя недооценивать противника.

— Вы правы, — согласилась Алиса.

Она прошла к столу и села в кресло. Посейдон подвинул ей серебряную миску.

— Надеюсь, вы употребляете в пищу суп из креветок? — спросил он.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я очень проголодалась.

Пашка стоял в дверях, так и не решив еще, что перевесит: голод или осторожность.

Посейдон спросил:

— Суп не остыл?

— Нет, — сказала Алиса. — Очень вкусно.

— А мне так надоела морская пища! — сказал Посейдон.

Пашка осторожно подошел к столу.

— Нехорошо, — заявил Посейдон, глядя на

него, — в скафандре за стол у нас не садятся.

Алиса посмотрела на Пашку укоризненно.

— Я руки вымыл, — сказал Пашка.

Понятно было, что скафандр он не снимет.

— Ну, как знаешь, — сказал Посейдон.

Суп был не очень вкусный, подсоленные креветки плавали в жидком бульоне.

— Овощей не хватает, — вздохнул Посейдон. — Теплица вышла из строя, а починить некому.

Пашка сел за стол. В скафандре не очень удобно обедать. Но он делал вид, что всю жизнь обедает только в скафандре.

— А откуда вы знаете русский язык? — спросила Алиса.

— Я знаю все основные языки Земли, — ответил Посейдон.

Пашка съел несколько ложек супа, потом отложил ложку и сказал:

— Плохо питаетесь.

— Другого предложить не можем, — ответил Посейдон. — Кстати, я должен заметить, что, в отличие от Алисы, вы плохо воспитаны.

— Ваша наследница не лучше, — ответил Пашка.

— Вы правы, — сказал Посейдон. — Но что поделаешь, она последний ребенок, мы ее избаловали.

— Ребенок! — фыркнул Пашка. — Взрослая женщина!

— Даже пожилая, — согласился Посейдон. — Но для нас она ребенок.

Он подвинул к себе сосуд поменьше, снял крышку.

— Отварной осьминог, — сообщил он. Потом достал ложкой кусок белого мяса и принялся жевать. — Как всегда, недоварен.

Алиса попробовала кусочек, но прожевать не смогла. Пашка даже пробовать не стал.

Так и закончился обед.

Затем Посейдон поднялся и произнес:

— Вы готовы идти?

— Только не вздумайте нас казнить, — сказал Пашка. — Учтите, я буду сопротивляться.

— Молодой человек, — ответил Посейдон усталым голосом, — меньше всего на свете мне хочется вас казнить. — Он помолчал и добавил: — Но осторожность не мешает.

В столовую быстро вошел толстый Меркурий.

— Я возьму обед для доченьки, — сказал он.

— Опять капризничает? — спросил Посейдон.

Толстяк только махнул рукой и начал составлять сосуды стопкой. Потом обнял стопку и осторожно понес к выходу.

— Тяжело одному воспитывать ребенка, — вздохнул Посейдон.

— А у вашей Афродиты нет матери? — спросила Алиса.

— Мать этой девочки умерла… пятьдесят лет назад.

Посейдон отодвинул миску.

— Хотите отдохнуть? — спросил он.

— Нет, мы не устали, — сказала Алиса. — Нам пора возвращаться.

— К сожалению, это невозможно. Закон велит

сохранять нашу тайну.

— И сколько это будет продолжаться? — грозно спросил Пашка.

— Всю вашу жизнь, — ответил Посейдон.

— Вы хотите, чтобы я всю жизнь осьминогами питался?

— Мы же питаемся.

— Вы привыкли. А я не намерен.

— Ничем не могу помочь, — сказал Посейдон.

— Какие же вы после этого культурные люди, — воскликнул Пашка, — если вы не подумали о наших родителях? Они сойдут с ума, когда решат, что мы погибли! У вас нет совести!

— Мы не можем думать обо всех, — сказал Посейдон. — На Земле много несчастных людей и одиноких родителей. Мы — хранители великой и древней тайны. И мы не принадлежим себе. Я был бы рад покинуть Атлантиду. Но не имею права.

— Почему?

Посейдон не ответил.

Глава 5
Принцесса, куклы и сирены

Посейдон провел их по узкому коридору в ту комнату, где они томились первый час своего плена.

— Прошу вас не выходить, — сказал он и запер за собой дверь. — Я вернусь.

Пашка прошел вокруг стола, потом улегся на скамью.

— Не переживай, Алиса, — сказал он. — Выпутаемся.

Алиса почувствовала, что устала. Она села в ногах у Пашки.

— Кто же они такие? — подумала она вслух.

— Атланты, — сказал Пашка уверенно. — Последние атланты.

— Но они знают, что такое голограмма, выходят наружу в скафандрах, говорят по-русски, как мы с тобой…

— Научились, — сказал Пашка.

— Нет, — сказала Алиса. — Я им не верю.

— Мне бы пулемет, — вздохнул Пашка. — Мы бы пробили путь наверх.

Алиса только отмахнулась. Она думала о другом. Вернее всего, у атлантов должен быть пункт связи. Обязательно должен быть. Значит, можно будет дать о себе знать… Атланты боятся, что их найдут. Значит, им есть что скрывать.

— Где наш батискат? — услышала Алиса голос Пашки.

— Он у них в ангаре, — сказала Алиса.

— Точно! — Пашка сел на скамейке. — Мы его найдем и прорвемся. Пошли.

— Куда?

— Ты забыла, что здесь есть вторая дверь. К наследнице.

— Она шум поднимет.

— Чем мы рискуем? Хуже не будет.

Пашка прошел к маленькой двери и толкнул ее. Дверь послушно открылась. За ней оказался большой зал, совершенно темный.

— Эй! — крикнул Пашка.

«Эй-эй-эй…» — отозвалось эхо, отражаясь от далеких стен.

Когда эхо утихло, стало слышно, как, срываясь с высоты, по полу бьют капли.

— Хорошо, что я оказался сообразительней тебя и не снял скафандра, — сказал Пашка.

Он надел шлем и включил фонарь. Яркий луч

улетел вдаль, но не нашел преграды, а рассеялся в темноте.

— Вот это да! — сказал Пашка. — Откуда же приходила наследница?

— Ау, — раздался голос справа. — Ау…

И тут же зазвучала медленная, нежная песня.

Она заполняла собой гулкое подземелье.

— Это вы, Афродита? — позвал Пашка.

Песня продолжалась.

Они пошли направо, стараясь держаться ближе к стене.

— Стой! — крикнула Алиса.

Но Пашка уже сам увидел, что дальше хода нет, — у ног был обрыв. Внизу чернела вода.

Песня прекратилась.

Пашка наклонил голову, чтобы фонарь светил вниз.

Вода была спокойна. Вдруг она всколыхнулась, и из нее показалась голова девушки. Длинные зеленые волосы расплескались по плечам. Лицо тоже было зеленым, глаза большие, словно у ночного животного.

Девушка подняла руку и поманила Пашку. Рядом с ней вынырнула вторая. И они запели. Они пели очень красиво, в два голоса, и при этом медленно плавали кругами, не отрывая взгляда

от Пашки.

Пашка глядел на них завороженно, и Алисе пришлось вмешаться.

— Паш, — сказала она, — по-моему, это самые обыкновенные сирены, или морские русалки.

— Молчи. Не мешай!

— Когда-то моряки теряли голову от их песен и ныряли в воду. Только учти, вода здесь очень холодная.

— Ау, — позвала Пашку одна из русалок.

— Они хотят вступить с нами в контакт, — пояснил он.

Алиса вспомнила, что Одиссей заливал своим матросам уши воском, чтобы те не слушали песен сирен и не бросались в море.

— Может, тебе уши заткнуть? — спросила она.

— Не беспокойся, — ответил Пашка. — Неужели ты не видишь, что мною руководят научные интересы?

Но Алиса не была в этом убеждена. На всякий случай она встала к Пашке поближе.

Тут из темноты выплыл морской змей размером чуть побольше дельфина, но с длиннющей тонкой шеей и маленькой головкой.

Одна из русалок ловко вскочила ему на спину, и оказалось, что у нее широкий плоский чешуй-

чатый хвост.

— Вот это да! — воскликнул Пашка. — Морской змееныш!

Он уже забыл о сиренах, потому что проблема морских змеев его занимала куда больше.

Из озера доносились плеск, веселое уханье змееныша, визг сирен.

— Обойдем озеро с другой стороны, — сказала Алиса.

Вскоре они вышли на широкую площадку.

Площадка сбегала к самой воде, и там вдоль берега стояло несколько выдолбленных из камня корыт. Корыта были пусты. Возле одного из корыт сидели три сирены и тихонько выли. При виде Алисы и Пашки они принялись выть куда громче, а одна стала стучать кулачком по краю корыта.

— Наверное, они голодные, — решил Пашка.

Вдруг Алиса увидела свет.

Свет вырывался из небольшого окошка, пробитого в каменной стене. Желтым квадратом он падал на склон, и казалось, что горит окно в избушке в темном лесу.

Пока Пашка разглядывал сирен, Алиса поднялась к окошку и заглянула внутрь.

Там была самая настоящая лаборатория.

На длинном белом столе стояли приборы, колбы, пульты и баренги. У одной стены был пульт с дисплеями, вдоль другой тянулись стеклянные ниши с заспиртованными обитателями морских глубин. Но с первого взгляда было ясно, что лаборатория находится в полном запустении. Приборы стояли в беспорядке, большой электронный микроскоп зарос паутиной, а на окуляре

сидел большой белый паук и чистил лапы. На полу валялись разбитые пробирки. В углу на круглом белом табурете сидел старик Гермес и мирно дремал, опустив голову на грудь.

— Тише, — сказал Пашка Алисе. — Пускай спит. Нам нужно скорее отыскать батискат.

Но уйти не удалось.

По берегу озера медленно брела еще одна сирена, но без хвоста и двуногая. Зеленые волосы скрывали лицо, а зеленое платье волочилось подолом по камням. В руке она несла бронзовый фонарь.

Сирены при виде двуногой подруги отчаянно заскулили. Та зашипела на них — видно, приказывая молчать.

Она кинула опасливый взгляд на светящееся окошко лаборатории и тут заметила Алису с Пашкой.

— Ой! — сказала двуногая сирена, подобрала подол платья и, похоже, хотела убежать, но нога у нее подвернулась, и русалка неловко упала.

— Бежим, — сказал Пашка. — А то сейчас сюда сбегутся.

Сирена громко рыдала знакомым Алисе голосом.

Этот шум услышал старик, что спал в лабора-

тории. Он с трудом поднялся с табурета и побрел к двери.

Алиса отлично понимала, что нужно бежать, но ноги сами понесли ее к плачущей русалке. Она склонилась над ней, помогая подняться.

— Афродита, — сказала она, — вы ушиблись?

— Зачем ты меня испугала! — закричала на нее наследница. — Ты меня нарочно испугала, чтобы я упала.

— Вы ошибаетесь, — возразила Алиса. — Давайте я помогу вам подняться.

— Нет, я никогда уже не поднимусь, — сообщила наследница сквозь слезы. — У меня сломана нога.

— Пашка, — позвала Алиса, — помоги мне.

Пашка не отозвался.

Алиса подняла голову, над ней стоял старик Гермес.

Он сказал что-то наследнице на своем языке, и та в ответ разразилась длинной визгливой тирадой. Она была так возмущена, что поднялась без помощи Алисы и принялась махать кулаками перед носом Гермеса. Зеленый парик съехал набок.

Старик тоже кричал на наследницу, сирены выли и щебетали возле пустых корыт, эти звуки поднимались, усиленные эхом, к потолку под-

земного зала, и Алисе казалось, что она сидит на стадионе во время футбольного матча.

Вдруг шум как по команде прекратился.

Старик спокойно побрел в свою лабораторию, наследница замолкла, словно ее выключили. И даже русалки-сирены утихомирились.

— Ты думаешь, я его испугалась? — спросила наследница у Алисы.

Алиса нагнулась, подняла фонарь Афродиты, который, к счастью, не пострадал, и передала его женщине.

— И вовсе я не скрывалась от него, — продолжала наследница. — Я переоделась в русалку, потому что люблю изображать русалок. Иногда я даже с ними танцую на берегу.

«Где же Пашка? — тем временем подумала Алиса. — Вернее всего, он воспользовался сумато-хой, чтобы продолжить поиски батиската. Это правильно. У него есть фонарь. А я пока узнаю побольше об атлантах». А вслух спросила:

— Почему же вы ссорились с Гермесом?

— А они здесь все из ума выжили, — ответила наследница. — Он ходит в эту лабораторию и говорит, что там работает. А все знают, что он только спит. Он же сто лет как все забыл. И еще смеет кричать, что я мешаю ему ставить опыты,

старый дурак!

Афродита подняла подол и стала рассматривать ссадину на коленке.

— Так я и знала, — сообщила она Алисе. — Почти до крови. Когда я стану Госпожой Атлантиды, я прикажу этого Гермеса казнить. Он мне надоел. Пошли ко мне.

— Пошли.

— А где твой мальчик? Он мне нравится.

— Мальчик ушел по делам.

— У всех дела! — капризно сказала наследница. — Как только мне мальчик понравится, у него дела. Я ненавижу мужчин.

Наследница сорвала криво сидевший парик, бросила его в озеро, и сирены, толкаясь и вереща, кинулись к нему. Их глаза хищно горели в полутьме. В мгновение ока они разорвали парик на клочки.

— Они думают, что он съедобный, — засмеялась наследница и пошла прочь от озера.

— Они голодные? — спросила Алиса, поднимаясь следом за ней.

— Еще бы, — сказала Афродита. — Что осталось в озере, то и едят. Скоро друг дружку съедят. Или змееныши их скушают, или они змеенышей скушают. Все друг дружку едят.

— А почему их не кормят?

— Самим мало, — сказала наследница. — Только Гермес иногда кормит. Но он глупый, всех жалеет.

Наследница остановилась у двери в лабораторию. Старик Гермес опять задремал.

— Тихо, не разбуди, — прошептала она, — мы через лабораторию пройдем. Тут короче.

Она подошла к стеклянному шкафу, в котором лежал свернутый спиралью скелет какой-то рыбы, нажала на угол шкафа, и тот, страшно заскрипев, чуть сдвинулся в сторону. Наследница навалилась на него животом и позвала Алису:

— Помоги. Все тут заржавело, даже противно.

Они принялись толкать шкаф вдвоем, но он не поддавался. Наследница запыхалась и отошла. Потом схватила со стола микроскоп и запустила им в шкаф.

— Ты что! — закричала Алиса.

Но было поздно — стеклянный шкаф разлетелся вдребезги, скелет рыбы рассыпался по полу, а то, что недавно было микроскопом, раскатилось по каменному полу массой мелких деталей.

— Ой! — закричал с перепугу Гермес. — Наводнение, обвал!

Он вскочил, опрокинул табуретку, кинулся

было бежать, потом сообразил, что случилось, и опечалился:

— Что ж вы наделали! Как теперь опыты ставить?

— Молчи, дурак! — огрызнулась наследница и со всего размаха ударила ногой по стойке шкафа. У того, видно, уже не осталось сил сопротивляться, и он упал, открыв проход. — Вот видишь, — сообщила Афродита, — с ним надо строже! Они все распустились.

— Кто? — спросила Алиса, входя за наследницей в открывшийся проход. Там было темно, и бронзовый фонарь наследницы высвечивал занавески и тряпки, свисавшие вокруг.

— Все люди и все вещи, — сказала Афродита. — Когда я возьму власть, то приведу все в порядок. Все меня будут бояться. А Госпожу Геру, если не успеет помереть, казню.

— А что здесь было раньше? — спросила Алиса. Ей надоело слушать, как тараторит глупая наследница.

— Театр, — сказала Афродита. — Разве не видишь? Мне отец рассказывал. Я отсюда платья и парики беру.

В подводном мире было мало пыли. Только здесь, в этом проходе ее скопилось столько, что

запершило в носу. И запах был особый — запах пыльных тряпок.

Проход кончился небольшим обрывчиком. Алиса увидела внизу несколько рядов кресел. Наследница тяжело спрыгнула вниз и поспешила по проходу между кресел. Алиса сообразила, что они спустились со сцены и оказались в зрительном зале.

— Сколько вас здесь? — спросила Алиса.

— Много, — туманно ответила Афродита. — А раньше было больше.

— Сколько?

— Ты всех видела.

Уууух-вззвиии! Что-то черное, чернее тьмы, широкое, плоское метнулось над головой — закачались, зашуршали старые занавески.

Алиса присела от неожиданности.

— Не бойся, — сказала наследница, — они не кусаются.

— Кто это?

— Летучие собаки.

— Они тут живут?

— А где же им жить? Ты их не бойся. Ты камеусов бойся.

Наследница, пригнувшись, нырнула под низкую арку.

И тут они оказались в ее детской.

Когда-то там была театральная уборная. Вдоль стены шли узкие высокие зеркала в золоченых пышных рамах, перед каждым был столик и небольшое вертящееся кресло. Кроме того, в комнате стояло несколько пышных, правда, потертых и продавленных диванов, валялось множество ковров и звериных шкур. Но больше всего там было кукол. Фарфоровые и тряпичные, целлулоидные и деревянные, в длинных платьях и коротких распашонках, с белыми, желтыми, золотыми, черными, рыжими, зелеными волосами, а то и вовсе без волос, с голубыми, серыми, черными закрывающимися глазами и даже с пуговицами, пришитыми к розовому лицу. Одни куклы были как новенькие, а другие истрепаны настолько, что трудно угадать, какими они были раньше. Несколько самых больших кукол сидели в креслицах перед зеркалами, остальные занимали диваны, лежали на полу и под стульями. Самая маленькая куколка сидела на подушке широкой неприбранной кровати.

— Тебе нравится? — спросила наследница, зажигая светильники перед зеркалами. — Сейчас мы будем с тобой играть.

Афродита суетилась, ей очень хотелось, чтобы

гостье у нее понравилось.

— Ты у кого-нибудь видела столько кукол? — спросила она.

— Нет, не видела.

— Правильно. Потому что я наследница престола великого царства. Сегодня я люблю вот эту… — Афродита схватила с дивана деревянную, грубо сделанную большую куклу в синем коротком платье. Глаза куклы были нарисованы синей краской, а розовая краска со щек почти вся облупилась. — Нравится?

— Нравится, — согласилась Алиса.

Надо признаться, что сцена была страшноватой. Пожилая, толстая, лохматая женщина

прыгала по комнате, хватала кукол, совала их под нос Алисе и требовала, чтобы гостья восхищалась.

— Откуда у вас столько игрушек? — спросила Алиса.

— Это все игрушки сверху, — сказала наследница. — Когда папа был молодой, он специально их искал. Больше всего собрал с утонувших кораблей. Меня все так баловали, так любили, даже больше, чем сейчас. Когда я маленькая была, Посейдон устроил у себя в узле связи пункт наблюдения. Как только ловили сигнал SOS, сразу посылали туда субмарину. Корабль еще не успеет до дна спуститься, а дядя Посейдон с папой уже идут по каютам: ищут, ищут, собирают кукол, чтобы меня порадовать… — Афродита захохотала, но тут же закручинилась и добавила: — А когда субмарина сломалась, больше кукол не стало… Правда, жаль? Ведь столько тонет детей, куклы им не нужны, а мне ничего не достается.

Алиса поежилась. Она все больше убеждалась, что наследница не совсем нормальная. В бабушки годится, а всерьез думает, что осталась девочкой.

— А где ваша мама? — спросила Алиса.

— Ее камеусы сожрали, — сказала наследница, — но давно, я еще маленькая была. Только я

тебе не скажу, сколько лет назад.

— Почему?

— Чтобы ты не догадалась, что мне пятьдесят лет. Или сорок. А может, двадцать.

Афродита отбросила куклу в сторону, та ударилась головой в высокий железный подсвечник без свечей, отлетела к погнутому, ободранному игрушечному паровозу и замерла.

«Где сейчас Пашка? — подумала Алиса. — Столько времени прошло, а я так ничего и не узнала».

— Возьми эту куклу, она больная, за ней надо ухаживать, — сказала наследница и протянула Алисе лысую куклу, которая долго пробыла в воде. — Качай ее и утешай, а я сделаю нам с тобой постельку.

— Зачем? — спросила Алиса. — Я не хочу спать.

— Ты будешь теперь спать со мной, — сказала наследница. — Ты всегда будешь спать со мной, или я тебя убью. Качай ребенка!

Алиса принялась покачивать куклу.

— Афродита, — попросила она, — расскажите мне про вас.

— Нельзя. Чужим рассказывать про нас нельзя.

— Закон не разрешает?

— Еще чего не хватало! — закричала наследница. — Знать не хочу этого отвратительного закона!

— Но Госпожа Гера главнее всех?

— Ой, какая ты вредная девочка! — изумилась наследница. — Ты меня все время обижаешь. Не буду с тобой дружить! Ты лишена моей милости. Отдай куклу!

Алиса протянула ей куклу.

Наследница взяла куклу за ногу и остановилась посреди комнаты в задумчивости.

— Очень странно, — сказала она. — Оказывается, мне нечего рассказывать.

— Расскажи, кто вы такие, откуда сюда попали…

— Но я не знаю, откуда мы сюда попали. Мы здесь всегда! Это наша Атлантида. Она всегда была и всегда будет. Самая великая страна в мире. И я в ней самая главная!

— А почему вас раньше было много и даже был театр, а теперь мало?

— Театр был… было светло. Много света. Была субмарина, и папа брал меня на ней кататься. Мы поднимались наверх, и я видела звезды… Ты видела звезды?

— Я живу наверху.

— Жила, — поправила ее наследница. — Отсюда еще никто не уходил.

Она всхлипнула и закашлялась.

— Были люди, — повторила она, — много. И мне давали конфеты. И мы делали музей… А где все это? Почему этого нет? Не знаю…

Афродита стояла посреди комнаты, раскачивая за ногу облезлую куклу. Потом уронила ее на пол.

Алиса стала размышлять, как лучше сбежать от наследницы и заняться поисками Пашки, но тут события приняли неожиданный оборот.

В детскую вошел, задыхаясь от быстрой ходьбы, толстяк Меркурий.

Он закричал что-то с порога и, не умолкая, кинулся к Афродите. Алису он не заметил — видно, принял ее за одну из кукол.

Но, толкнув ее, сообразил, что наследница не одна, испугался, схватился за сердце.

— Почему ты здесь? — спросил он у Алисы.

— Ваша дочь привела меня сюда.

— Тогда я спрашиваю, почему вы не заперли дверь? Вы что, забыли, что сегодня полнолуние и камеусы выходят из своих нор?

— Я ничего не знаю про камеусов, — сказала

Алиса.

— Когда узнаешь, будет поздно, — сказал толстяк.

Он прошел к двери, которая вела в театральный зал, и запер ее на засов. Потом вернулся к той дверце, сквозь которую вошел. Запер ее тоже.

— Скажите, пожалуйста, что такое камеус? — спросила Алиса. — Я волнуюсь за Пашку. Он пошел искать наш батискат. Он же ничего здесь не знает.

Толстый Меркурий не ответил. Он попытался погладить по голове свою дочку, но пальцы запутались в ее волосах, и он с трудом выдрал их оттуда.

— Ты мне голову оторвешь! — взвизгнула наследница.

— Я пошла, — сказала Алиса. — Только объясните, где искать батискат?

— Не знаю, — сказал толстяк. — Уходи скорее. Мне надо утешить ребенка.

Он отворил дверь за занавеской и подождал, пока Алиса выйдет.

И тут же Алиса услышала, как щелкнул замок.

Алиса совершенно не представляла себе, куда идти. Поэтому она потеряла полчаса, блуждая по коридорам, пока не попала в еще один обшир-

ный зал.

Зал был похож… Ни на что он не был похож!

Если это была свалка, то зачем свозить сюда целые и даже ценные вещи? В полутьме вырисовывались контуры неожиданных в подводном царстве предметов. Настолько неожиданных, что порой Алиса даже не сразу узнавала их. Что это за длинный стеклянный ящик с перегородками и черным квадратом на внутренней стенке? Да это старинная телефонная будка! А это? Словно плавник гигантской акулы? Хвост самолета столетней давности. А это? Контрабас. А это? Спортивная штанга. А это? Ну что? Такое знакомое… Башня танка? Склад? Или музей?

Конечно же, догадалась Алиса, много лет атланты собирали в морях то, что утонуло вместе с кораблями. А корабли, как известно, перевозят по морям все, что делают люди.

… Нечто громоздкое, темное, необъятное нависало над Алисой, перегораживая путь. Алиса подняла глаза и встретилась взглядом со страшной мертвой головой существа, которое висело, прибитое спиной к этой громадине.

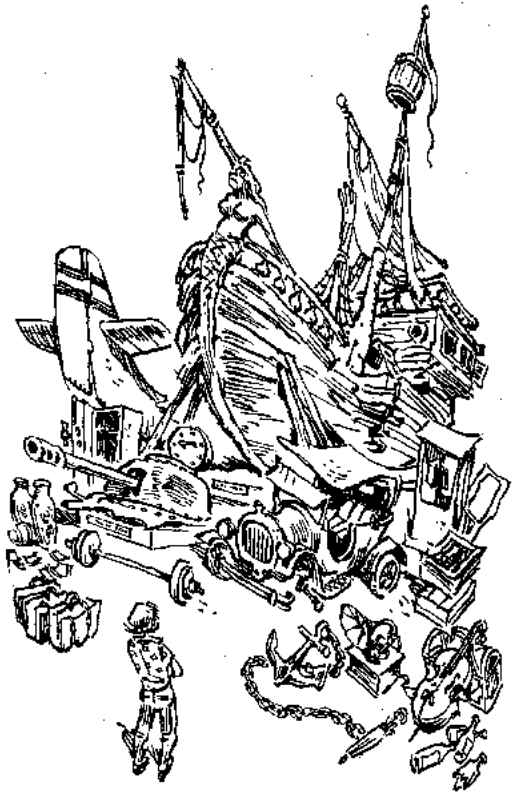
Алиса ахнула и метнулась назад.

И тогда сообразила: перед ней стоял, подпертый бревнами, целый парусник, на носу которого

под бушпритом была прикреплена деревянная фигура, как было принято делать на парусниках в давние времена.

Борта парусника поднимались на высоту трехэтажного дома. И в темноте, уходя к невидимому потолку, тянулись мачты с обвисшими серыми парусами. Как попал сюда такой большой корабль?

— Как ты сюда попал? — спросила Алиса вслух, обращаясь к деревянной фигуре. Та не ответила.

Но эхо подхватило негромкий вопрос и начало таскать, искажая, эти звуки по залу музея.

Зашуршали ткани, заскрипели доски, зазвенели медные котлы. Казалось, что вещи ожили, зашевелились, зашептались: здесь чужая, здесь живая девочка в мире умерших вещей…

И казалось, они начали сдвигаться все ближе, ближе, тянуть к ней невидимые лапы, чтобы не выпустить, навсегда оставить в этом промозглом, захламленном мире.

Алиса замерла, стараясь подавить ужас, который поднимался в ней. Замерли и вещи. Они подстерегали каждое ее движение.

Алиса не знала, в какую сторону идти дальше. Она стала осторожно оглядываться, чтобы отыскать проход в лабиринте.

И тут она услышала осторожные шаги. Кто-то медленно, крадучись, приближался к ней.

Алиса сделала осторожный шаг. Еще один. Остановилась.

Тот, кто преследовал ее, тоже остановился. Прислушивался.

Звук в этом зале распространялся так причудливо, что нельзя было угадать, с какой стороны приближаются шаги.

Скрипнула доска под чьей-то ногой. И снова нависла тишина, которая казалась более зловещей, чем любой звук.

Стоять на месте и ждать, когда тебя поймают, было еще страшнее, чем куда-то идти.

Алиса разглядела проход между кораблем и грудой ящиков и вошла в него. Единственный светильник, горевший как бы в воздухе, над парусником, рождал длинные черные тени.

Алиса шла все быстрее, стараясь ступать на носки, но даже самое слабое шуршание подошв разносилось, усиливаясь, по музею.

Наверное, ей теперь никогда не выйти отсюда. Надо закричать. Надо позвать…

Алиса все ускоряла шаги…

И вдруг впереди она уловила быстрое движение. Кто-то, увидев ее, спрятался за ящик.

Может, показалось?

Алиса бросилась назад. Только не оборачиваться…

Сзади шаги. Ее догоняют.

И тогда Алиса стремглав, спотыкаясь, помчалась вперед. Куда угодно, только убежать!

Но преследователь не отставал. Сквозь бешеные удары сердца, сквозь шум собственного частого дыхания Алиса слышала шаги.

Впереди показался яркий свет. Скорее туда!

Но на пути Алисы возникла высокая черная фигура.

Алиса попыталась остановиться, нырнуть куда-нибудь в сторону. Но не успела.

Человек, который подстерегал ее, быстро протянул длинную костлявую руку и схватил Алису за плечо.

— Стой! — сказал он.

Алиса забилась, как птенец, попавший в силки. Но человек держал ее крепко.

— Уходи, — сказал он громко кому-то. — Уходи и не навлекай на нас позора.

Алиса с трудом различала эти слова, голова кружилась от страха, и удары собственного сердца были как удары грома.

— Не бойся, девочка, — сказал тот же голос. — Ты в безопасности.

Алисе было так страшно, что она не сразу поняла смысл этих слов. Она замерла, словно окоченела, глядя назад. И увидела, как розовое платье мелькнуло рядом с кораблем и растворилось в темноте. И оттуда из темноты вылетела серебряная молния. Человек, что держал Алису, дернул ее в сторону и пригнулся сам.

Раздался удар и звон.

Острый загнутый нож с золотой рукоятью ударился острием о радиатор старинного автомобиля и упал на каменный пол.

— Как грустно, — произнес человек, державший Алису, — как стыдно…

Сначала Алиса узнала голос, а подняв голову — и человека.

Это был Посейдон.

— Пойдем, девочка, — сказал он. — Она не вернется.

— Это была Госпожа Гера? — спросила Алиса.

— Да, — ответил Посейдон. — И она хотела тебя убить.

Посейдон вывел Алису из музея.

Он шел быстро, держа Алису за руку. Алиса еле поспевала за ним, ноги были как ватные. В жизни так не пугалась.

— Куда мы идем? — спросила она.

— Ко мне.

Посейдон достал из кармана серого плаща большой ключ, схожий со штопором, и вставил его в почти невидимое отверстие в стене коридора. Раздался щелчок, и часть стены провалилась в пол.

— Это самое тайное место Атлантиды, — сказал он. — Мы рассчитывали на то, что даже если люди проникнут сюда, они не найдут этой двери.

В лицо Алисе ударил яркий свет. Ей показалось, будто в мгновение ока она перенеслась из

Атлантиды в обыкновенную комнату обыкновенного института на Земле. И если бы не длинная, до земли, серая тога, Посейдон был бы самым обыкновенным земным профессором, который пригласил Алису к себе в лабораторию.

Посейдон снял серый колпак, поправил ладонью неровно остриженные седые волосы и сказал:

— Сюда, в мое хозяйство, я никого не допускаю.

Он провел Алису в следующую комнату. Это был пункт связи. В линию вдоль стены на низком столе тянулись телевизионные экраны. Они были окружены овальными золотыми рамами в виде змей.

— Сколько здесь змей! — сказала Алиса. — Почему?

— Традиция, — ответил Посейдон. — Наследие Атлантиды. Атланты поклонялись Великому змею.

— Зачем эти экраны? — спросила Алиса.

— Это мониторы, — ответил старик. Он уселся в удобное вращающееся кресло и указал Алисе на соседнее. — Садись, у тебя, наверное, много вопросов.

— Да, — сказала Алиса. — У меня тысяча вопросов, но сейчас меня больше всего беспокоит, где

Пашка. Он побежал искать батискат и пропал. Раньше я не так боялась, а теперь очень за него волнуюсь.

— Сейчас проверим, — сказал Посейдон.

Он протянул руку и включил один из мониторов.

По экрану побежали зеленые полосы, и Посейдону пришлось долго настраивать его, прежде чем картинка стала нормальной.

— Все в небрежении, — вздохнул Посейдон, — остался один механик, но ты же видела, в каком он состоянии.

— Вы имеете в виду Гермеса?

— У него очень плохо с памятью. И ослаб он сильно. Его только и хватает на то, чтобы латать щели.

На экране монитора был виден большой плохо освещенный зал. Три его стены были каменными, а четвертая, блестящая, гладкая, — стеклянной. За ней плескалась вода.

— Это ангар, — сказал Посейдон. — Там, за перегородкой, наша сломанная субмарина и ваш

батискат. Сейчас ты увидишь.

Посейдон нажал кнопку на пульте, и яркие прожектора загорелись в том зале, пронзая толщу воды. Алиса увидела, что за перегородкой находятся два корабля. Один из них незнакомый, похожий на акулу. Второй — батискат.

— Как видишь, — сказал Посейдон, — ваш корабль цел и в безопасности.

— А где Пашка? — спросила Алиса.

— Он должен будет сюда прийти, — сказал Посейдон. — Он уже час бродит по нашему городу.

— Вы его видели?

— Еще недавно он был в музее.

Посейдон набрал комбинацию из цифр на пульте, и на соседнем мониторе появился длинный коридор.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Это же Пашка!

И в самом деле по коридору шагал Пашка. Он был в скафандре, шлем откинут за спину, вид серьезный и целеустремленный.

— Он идет правильно, — сказал Посейдон. — Скоро будет у ангара. Не беспокойся.

— Пойдемте к нему!

— Не спеши. Ему сейчас ничто не угрожает.

— А Гера его не найдет? — спросила Алиса.

— Не беспокойся, мы его не выпустим из виду.

А когда нужно, придумаем, как ему помочь.

— А сейчас нельзя помочь?

— Сейчас еще нельзя.

— Почему?

— У нас с тобой есть более важное дело, — сказал Посейдон.

— Спасти Пашку — самое важное дело.

— Ты ничего не знаешь!

— Я еще мало знаю, — сказала Алиса, — но уже начинаю что-то понимать.

— Что?

— Вы здесь как мастодонты, как вымершие динозавры. Я не знаю, сколько лет вы уже живете под водой, но, наверное, вас раньше было много, а теперь почти никого не осталось. Даже ваша девочка уже старуха. Вы меня извините, пожалуйста, что я так с вами разговариваю, но мне кажется, что вы все немного ненормальные. Почему вы не поднялись наверх? Вас очень хорошо встретят. У нас хорошая жизнь. Вы будете лечиться в санатории и, может, даже писать воспоминания. Представляете, как интересно — «Записки последнего атланта!» И по телевизору будете выступать. Я думаю, что вы много знаете, а если вы умрете от старости или ваш потолок рухнет, то все ваши знания пропадут.

Посейдон слушал серьезно, склонив голову, и чуть кивал, соглашаясь со словами Алисы.

— Наша последняя субмарина, — произнес он, — вышла из строя пятьдесят лет назад. Мы заточены здесь. Мы пленники Атлантиды.

— Но теперь же все изменилось! Мы поднимемся в нашем батискате!

Посейдон отрицательно покачал головой.

— Но почему же? — воскликнула Алиса. — Не так важно, кто живет под водой, а кто на суше. Это наша общая Земля, и вы должны чувствовать себя патриотами!

— Милая наивная девочка! — вздохнул Посейдон. — Так ты ничего и не поняла.

— Чего я не поняла?

— Если я тебе раскрою тайну, меня ждет смерть. Это самый главный наш закон. И я не могу его преступить.

— А если не раскрывать тайну? — спросила Алиса.

— Если не раскрывать, то мы останемся здесь и не сможем отпустить вас. И мы умрем, скоро умрем, потому что надежды не осталось. Но и вы умрете с нами.

— Что за глупая тайна! Что за глупый жестокий закон! — воскликнула Алиса. — Не может быть

закона, который обрекает людей на смерть ни за что.

— Твоими устами говорит разум, — печально ответил Посейдон. — Но я воспитан в почтении к закону. И тот, кто правит нами, ставит закон выше жизни.

— Розовая Госпожа?

— Да, Гера.

— А какое она имеет право губить вашу жизнь? Я разговаривала с Меркурием. Он так переживает за свою дочь. И в самом деле, вы слышали, как она кашляет? Ей обязательно нужно на свежий воздух, ее надо лечить, а она сидит здесь.

— Меркурий выжил из ума, — сказал Посейдон. — Мы как маленькая стайка старых скорпионов…

Посейдон включил третий монитор. И они увидели зал Совета Атлантиды.

На троне-кобре сидела Гера. В руке она держала черную шкатулку.

— Так я и знал! — воскликнул Посейдон. — Она нас ищет.

Он ударил ладонью по ряду кнопок, и возник страшный шум, будто невпопад, без нот заиграл духовой оркестр.

Алиса зажала уши.

Посейдон поманил Алису за собой в небольшую нишу, там жестом велел сесть на стул. Потом выключил свет. Лишь огоньки на пульте да зеленые экраны мониторов чуть освещали его лицо.

Голова Посейдона наклонилась к Алисе.

— Я не могу рисковать, — прошептал он ей на ухо. — Она не должна услышать.

Голова Алисы раскалывалась от шума.

— Я боюсь ее, — продолжал Посейдон. — Она убила многих. Тех, кто хотел подняться к людям, тех, кто отказался ей подчиниться. Она безжалостна, в ней не осталось ничего человеческого.

Губы Посейдона дрожали, голос срывался.

— Я открою тебе тайну, потому что хочу, чтобы ты ушла отсюда, — продолжал он. — Иначе Гера скоро уничтожит нашу станцию. Есть такой пункт в Законе: если спасти станцию нельзя и угроза раскрытия неотвратима, начальник станции обязан ее уничтожить. Как только Гера решит, что надежды нет, она это сделает. Поэтому ты должна знать правду.

И в темной нише, при неверном свете экранов, под грозную, нестройную музыку Алиса услышала историю Атлантиды.

Глава 6
Тайна Атлантиды

Три тысячи четыреста лет назад на Землю прилетела экспедиция с планеты Крина.

Мудрая цивилизация той планеты уже давно вышла в космос и овладела секретом межзвездных полетов. Она посылала корабли во все концы галактики. Но эти экспедиции подчинялись строгому Закону: если жители какой-нибудь планеты еще не вышли в космос, если они не готовы к космическим контактам, изучение планеты должно проводиться в строжайшей тайне. Никто там не должен догадаться, что за ними ведется наблюдение. Иначе развитие планеты нарушится, и это может привести к печальным последствиям.

Когда криняне прилетели к нам, на Земле лишь начала развиваться цивилизация. Первые государства создавались в Египте, на острове Крите, в Индии и Китае. А севернее, в лесах Европы, лишь маленькие поселки охотников и рыболовов возникали на берегах рек.

Криняне были настоящими учеными, они внимательно записывали, снимали на пленку

все, что происходило на Земле. На их глазах происходил удивительный феномен — рождение великой цивилизации.

Больше всего кринян интересовала Атлантида. Атлантида, слухи о которой дожили до наших дней, была богатым государством. Она лежала на островах Полинезии. Корабли атлантов бросали якоря у острова Пасхи и берегов Америки, ходили в Китай и Индию, достигали Аравии, огибали Африку и посещали Средиземное море. Но однажды, более трех тысяч лет назад, в Тихом океане произошло страшное землетрясение, и Атлантида погрузилась в глубины вод. Могучее государство пропало бесследно.

Эта трагедия произошла на глазах кринянских наблюдателей. Они ничем не могли помочь атлантам, даже их возможностей не хватило бы, чтобы остановить бедствие. К тому же строгий Закон запрещал вмешиваться в дела землян.

Когда Атлантида погибла, криняне начали исследовать утонувшую страну. Они опускались в подземные храмы и пещерные города Атлантиды. Потом кто-то догадался, что из подземной части столицы атлантов можно откачать воду, сделать непроницаемые переборки и таким образом спасти часть сокровищ погибшей страны.

Что они и сделали.

И тогда криняне сообразили: подводная Атлантида — идеальная база для их экспедиции. Земляне никогда не найдут ее. С тех пор, уже три тысячи лет, подземные залы утонувшей страны существуют как база космической экспедиции кринян.

Шли годы и столетия. Каждые пять лет менялся состав станции. Ее мониторы могли наблюдать, что происходит в разных концах Земли, подводные корабли доплывали до любого уголка нашей планеты, спутники снимали картины битв и праздников.

По мере того как земная цивилизация развивалась, положение кринян становилось сложнее. Людей на Земле становилось все больше, они уже освоили свою планету, росли города, строились заводы, на полях сражений грохотали пушки…

По расчетам кринян, Земля уже подходила к критической точке своего развития. Это бывает почти с каждой планетой: на ней скопилось много опасного оружия, скоро люди изобретут и атомную бомбу. Немало было в космосе цивилизаций, которые не смогли справиться с этой страшной опасностью и погибли. На других планетах удавалось преодолеть этот рубеж — за-

претить оружие и перейти к мирной эпохе.

На Крине понимали, что лет через триста подводную базу придется закрыть.

Если для землян триста лет — срок немыслимо длинный, то для кринян, которые живут дольше, он не так уж велик.

И вот в апреле 1818 года в тропической части Тихого океана опустился космический корабль, который должен был забрать ученых, что прожили на Земле пять лет, и заменить их новой сменой. Смена состояла из сорока молодых, энергичных, жаждущих работы, любознательных и очень образованных ученых. Были среди них биологи, химики, сейсмологи, электронщики, был экипаж подводной лодки и даже ремонтник. Сорок человек — двадцать шесть мужчин и четырнадцать женщин.

Прилет этого корабля и наблюдал капитан брига «Рочестер».

Ученые приняли дела у предыдущей смены, подивились на подземные залы и храмы атлантов, обошли музей, где скапливались столетиями предметы земной цивилизации, проверили лаборатории и, собравшись в главном зале Совета, вслух повторили клятву: «Никогда не преступать Закон. Никогда и никому не раскрывать своей

тайны. А если случится невероятное и кто-то из землян проникнет в Атлантиду, члены экспедиции должны притвориться, что они и есть атланты — чудом пережившие катастрофу жители древней страны».

Члены экспедиции много работали, изучали вашу планету, следили за тем, что происходит в мире, снимали фильмы, собирали образцы земной техники и искусства — в этом им помогало море, пожирая корабли и даря исследователям все, что было в их трюмах.

В Атлантиде была большая биологическая станция. Если какому-нибудь виду морских животных грозило истребление, криняне брали к себе последних животных этого вида и сберегали их в своем зоопарке. Поэтому в подземном озере станции жили морские змеи, сирены и морские коровы. А семья взрослых морских змеев обитала в трещине, на дне которой скрывался вход в Атлантиду. Змеи были приручены и узнавали своих хозяев…

В этом месте рассказа Алиса вспомнила, как на них с Пашкой напал морской змей. Посейдон улыбнулся и сказал, что змей не напал. Он принял их за обитателей станции и решил поиграть.

И тут Посейдон перешел к самой главной и

печальной части своего рассказа.

Прошло пять лет. Вот-вот должен был прибыть корабль с Крины со сменой.

Ученые уже собрали материалы, которые они отвезут к себе домой, сортировали записи, паковали пленки и образцы, попрощались со своими питомцами в подводном зоопарке, облетели те места Земли, которые успели полюбить, а корабля со сменой все не было.

Месяц шел за месяцем, но никаких вестей из дома.

К сожалению, на базе не было космического передатчика. Никакой сигнал не достигнет другого конца галактики.

Месяцы превращались в годы, годы — в десятилетия.

Ожидание перешло в отчаяние.

Если сначала была надежда, что корабль со сменой погиб в пути и вместо него прилетит другой — может, через год, может, чуть больше, — то через десять лет последняя надежда пропала. Что-то страшное случилось на родной планете исследователей…

— А когда должна была прилететь смена? — спросила Алиса.

— В 1823 году.

— Но сейчас же 2088 год!

— Мы живем под водой двести семьдесят лет!..

Посейдон продолжил свой печальный рассказ.

Станция могла существовать вечно. Энергию давал термоядерный реактор, пресную воду синтезировали опреснители, море дарило пищу.

Станция-то была вечной, но ее обитатели вечными не были. Кто-то из ученых погиб, кто-то умер от болезни или сошел с ума от тоски. Одно дело — работать на подводной станции и знать, что ты в конце концов вернешься домой, совсем другое — понимать, что ты никогда уже не выйдешь из-под воды, что, вернее всего, твоя родная планета погибла.

— Надо было выйти к нам, — сказала Алиса, — и все объяснить.

— Кому объяснить? — спросил Посейдон. — Представь себе, что в 1860 или в 1870 году из-под воды появляются странные существа с голубыми лицами и рассказывают, что они — пришельцы с другой планеты. Нас просто могли убить.

— Ну а позже?

— А позже мы все, кто остался в живых, стали стариками. Даже наши дети стали стариками. Да и мало детей рождалось в подводном царстве. Из первого поколения нас осталось трое: я, Гермес

и Гера. Толстяк Меркурий — мой племянник. А Афродита — третье поколение. Это последний ребенок Атлантиды, она родилась всего девяносто лет назад.

— Девяносто? А она мне сказала, что ей пятьдесят лет.

— Бедная девочка молодится. Она скрывает свой возраст.

— А сколько же лет вам?

— Мне скоро будет триста лет, — ответил Посейдон. — И мой жизненный путь подходит к концу.

Он замолчал. Все так же гремел оркестр и перемигивались огоньки на пультах.

Передохнув, Посейдон продолжил свой печальный рассказ.

Чем меньше оставалось на станции кринян, тем меньше она была похожа на научную станцию. Какой смысл проводить исследования, если их результаты никогда и никто не узнает? Постепенно ломалось оборудование, приходили в негодность приборы. К концу двадцатого века на станции осталась одна действующая субмарина и ни одного летательного аппарата. Потом последняя субмарина вышла из строя. Теперь даже при желании последние жители Атлантиды не смог-

ли бы подняться на поверхность моря. Вымер и зоопарк. Лишь сирены да морские змеи чувствуют себя привольно. Он, Посейдон, единственный из наблюдателей продолжает работу. Не потому, что она нужна, а чтобы не сойти с ума.

— Ничего не понимаю! — воскликнула тут Алиса. — Вот появились мы с Пашкой. Вы должны просить нас: скорее, скорее поднимемся наверх!

— Все не так просто, — сказал Посейдон. — Ты очень молода, Алиса, и не понимаешь, как рассуждают очень старые люди. У нас есть Закон. В нем записаны все правила, по которым мы должны жить. Когда-то он был полезен. Закон приказывал нам работать, Закон предписывал подчиняться дисциплине и выполнять решения Совета. Представь себе: под водой, на немыслимой глубине, без надежды выйти наружу живут несколько человек. У них свой мир, совсем иной, чем на Земле или на несчастной Крине. У нас здесь как бы собственная планета. И на ней, как на планете, есть правительство и есть граждане. Если у людей нет настоящего дела, они его придумывают. Мне легче других, я с грехом пополам продолжаю свои наблюдения. Старик Гермес следит, чтобы вода не прорвалась в подземелье. А Госпожа Гера правит нашим миром в постоянной

борьбе с толстяком Меркурием и его глупой дочкой. Они борются за власть. Не улыбайся, Алиса, ты не знаешь, что порой власть людям кажется важнее работы, даже важнее жизни. Так случилось потому, что мы — пленники собственного мира. Для Геры Закон стал богом. Пока действует Закон, она правит Атлантидой. Пока она правит, она жива. Сто лет назад двое из нас, зная, что Земля уже вышла в космос, хотели подняться на поверхность и рассказать обо всем людям. Гера узнала об этом. И был суд. Она потребовала на Совете казни предателям за нарушение Закона. Я тогда выступил против этого жестокого решения, но люди были приговорены к смерти. Я был уверен, что приговор — пустая формальность. Кто и как будет казнить своих товарищей? А на следующий день этих людей нашли мертвыми. Никто не признался в том, что совершил злодейство. Но я убежден, что их отравила Гера. Ради чего? Ради власти…

— Но неужели вы не пытались дать о себе знать? — спросила Алиса. — Тайком от нее?

— Я — кринянин и подчиняюсь Закону, — сказал старик.

— И вы никогда не кидали в воду бутылку?

— Что за глупая мысль?

— Мы спустились сюда, потому что нашли бутылку с вашими координатами.

— Этого не может быть!

— И все-таки было, — сказала Алиса. Она жалела старого ученого. Он как будто закован в невидимые цепи. И не знает, что хуже: остаться и умереть здесь или уйти отсюда…

— Давайте поглядим, где Пашка, — сказала Алиса. — Он уже, наверное, в ангаре.

Глава 7
Победа госпожи Геры

С тех пор как Пашка расстался с Алисой, убежав от озера сирен, он многое увидел. И чем больше он видел, тем больше удивлялся и запутывался в своих версиях.

Он был в заброшенном театре, но не догадался, что это театр. Он видел засохший темный сад, где шуршали ветвями мертвые деревья и рассыпались под ногами хрупкие стебли травы. Он увидел странную мастерскую реставраторов. Там когда-то старались возродить произведения искусства, найденные на утонувших кораблях, — чистили от кораллов и ржавчины, укрепляли, паяли, восстанавливали обычные и необычные предметы: ложки, тарелки, часы, картины, скульптуры и даже одежду.

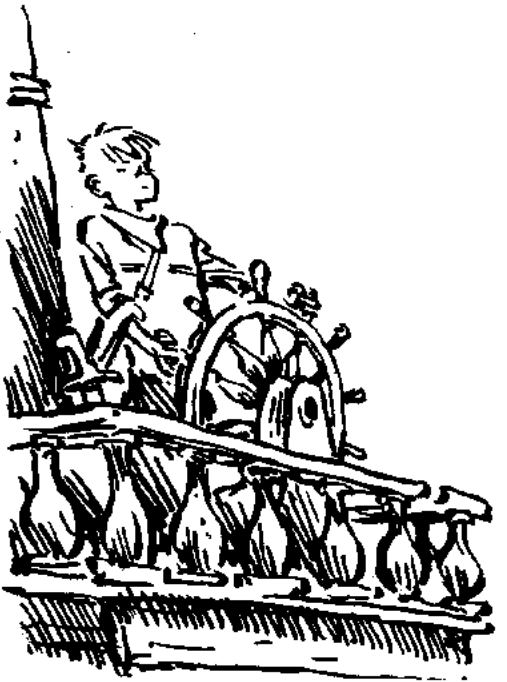
Потом Пашка заблудился, попал в нежилую часть пещерного города и с трудом нашел путь назад. Он спугнул стаю летучих собак, видел белого подземного червя, похожего на канат…

Только на исходе часа Пашка оказался в том музее, где Алиса пережила несколько страшных

минут. Он, конечно, спешил, но, когда увидел гигантский склад трофеев, задержался там, потому что заметил парусник.

Пашка много читал о пиратах и мореплавателях и потому сразу определил, что в музее стоит непонятно как перенесенный туда атлантами испанский галеон семнадцатого века «Сарагосса». На орудийных палубах галеона сохранились тридцать две пушки, в каюте капитана — мореходные инструменты, его треуголка и серебряный бокал, а в трюме — груз пряностей и китайского фарфора.

Понятно, что Пашка обследовал галеон от клотика до трюма, потерял на это полчаса, но ничего с собой поделать не мог. Он даже поднялся на верхнюю палубу, увидел там штурвал и постоял, держась за него и воображая, что паруса надуваются над головой и пассат подгоняет «Сарагоссу» к Молуккским островам, чтобы сразиться там с голландским корсаром, что разгромил испанскую факторию…

Пашка был так погружен в собственные мысли, что не слышал осторожных шагов Алисы. И не заметил ее преследовательницу. Иначе он, разумеется, вмешался бы в ход событий. Тем более что через плечо у него висела перевязь с коротким

морским абордажным палашом и он мог дать бой любому пирату.

А когда Алиса, умирая от страха, бежала по проходу между роялей, машин, ящиков, танков, статуй, тюков с бархатом, якорей, кроватей, столов, компьютеров, связок копры, Пашка, все еще воображая себя капитаном Хуаном Диего Суаресом, спускался по трапу с другой стороны фрегата.

Он слышал шаги, даже голоса, но меньше всего хотел встретить кого-нибудь из атлантов. Поэтому поспешил прочь от голосов и вышел из музея.

И вскоре он достиг цели.

Зал, в который попал Пашка, был разделен пополам прозрачной перегородкой. По ту сторону перегородки была вода. Зал был совсем пуст, если не считать сваленных в кучу каких-то баллонов и инструментов, а недалеко от перегородки — небольшого пульта, схожего с пюпитром, какой стоит перед дирижером в оркестре.

Вода за перегородкой была темно-зеленой.

Пашка включил шлемовый фонарь и подошел к перегородке.

Луч пронизал толщу воды и высветил узкую, похожую на акулу подводную лодку. Она лежала на дне. За ней, туда луч доставал с трудом, Пашка

угадал очертания батиската.

Пашка обрадовался батискату, как родному брату.

— Здравствуй, — сказал Пашка вслух.

Но как проникнуть к батискату? Как проверить, цел ли он? Как вывести его отсюда наверх?

Может, вернуться в город атлантов за Алисой?

Пашка подошел к пульту. «Проверим, как действует система, — сказал он себе. — Ведь наверняка атланты как-то выходят наружу».

Возле кнопок на пульте были надписи на непонятном языке атлантов.

Пашка нажал на крайнюю кнопку справа.

Ничего не произошло, только где-то сверху раздалось слабое жужжание и на пульте загорелся зеленый огонек.

— Как я понимаю, — раздался голос, — ты намерен затопить наш город.

Пашка обернулся.

За его спиной, скрестив руки на груди, стояла Госпожа Гера. Ее большие черные глаза смотрели сурово, белые волосы обрамляли голубое лицо, и розовое платье мягкими складками касалось пола.

— Ты хочешь нам отомстить? — спросила женщина.

Она говорила совершенно серьезно. Пашка

даже удивился.

— Почему я должен мстить? — сказал он. — Я хотел узнать, как попасть к нашему батискату.

— Пойми меня, мальчик, — сказала женщина, — мы живем здесь вдали от всех людей, мы никому не мешаем, никого не трогаем. Нам нужно только, чтобы нас оставили в покое. Если вы выйдете наружу, вы сразу же приведете за собой своих друзей, и наша Атлантида погибнет.

— Почему? — удивился Пашка. — Если хотите, живите здесь. Но мне кажется, вы не очень хорошо живете.

— Мы живем по нашим древним законам.

— Вы, наверное, не представляете себе, как мы живем там, наверху, — сказал Пашка. — Вы оторвались от действительности. Может, в ваши атлантические времена люди враждовали, мешали жить друг другу. Но теперь на Земле мир, все сыты и даже нет армий. Вы не бойтесь. Я вам даю честное слово, вас никто не тронет. К вам будут приезжать только ученые, чтобы вас исследовать.

— Вот ты и проговорился, мальчик, — сказала розовая женщина. — Ты прав. Нас не оставят в покое. Погибнет тайна, погибнет Закон, и мы тоже погибнем!

— Если бы вы заглянули наверх, то поняли бы, как вы не правы!

— Неужели ты думаешь, что мы не заглядываем наверх? Мы знаем о вас все. Мы можем увидеть любую точку Земли. Уже много тысяч лет мы следим за каждым вашим шагом!

— Значит, вы не атланты!

— Для тебя мы атланты.

Женщина вздохнула, прикрыла глаза, стараясь успокоиться. Потом сказала спокойно:

— Прости, я совсем забыла, что ты всего-навсего мальчик и не знаешь действительных побуждений взрослых людей. Тебя легко обмануть.

— Меня не так уж легко обмануть, — возразил Пашка.

— Ты мне нравишься. Ты смелый мальчик.

Женщина подошла к нему и положила руку на его плечо. Пашка покосился на ее руку и увидел, какие узловатые и морщинистые пальцы у Геры. И вдруг он понял, что она стара как мир, что ей много-много лет. Он хотел спросить сколько, но не посмел.

— Любопытно, — вдруг произнесла женщина, — как все изменилось. Я в последний раз встречалась с вами, людьми, шестьдесят лет назад. Я видела водолаза. У него был совсем другой

скафандр. Куда более громоздкий. На какую глубину рассчитан твой?

— На два километра, — сказал Пашка.

— Молодцы! Вы делаете большие успехи. Я помню, как люди опускались под воду только в специальных колоколах. Ты не читал об этом?

— Читал, — сказал Пашка. — Пока под колоколом был воздух, водолаз мог дышать.

— Молодец. А из чего сделан твой шлем?

— Это полистон, — сказал Пашка.

— Дай погляжу, — сказала женщина.

Пашка удивился, но отстегнул шлем и протянул ей.

Женщина надела шлем.

— Мне идет твой шлем? — спросила она с улыбкой.

И что-то в этой улыбке испугало Пашку.

— Отдайте, — сказал он.

— Сейчас, — сказала женщина.

Она медленно отступала от Пашки.

Он сделал шаг следом за ней, и тогда женщина включила шлемовый фонарь. На расстоянии двух метров его свет с такой силой ударил Пашке по глазам, что тот зажмурился.

— Не надо! — воскликнул он и в ответ услышал резкий, колючий смех.

Когда Пашка открыл глаза, он увидел, что дверь в зал закрывается. Стало очень тихо. Пашка не знал, что делать.

И тут он услышал голос Госпожи Геры:

— Прощай, мальчик. Ты мне понравился, но я не могу оставить тебя в живых.

Пашка увидел, как в стеклянной перегородке открылся люк. И в него хлынул поток зеленой воды. Он ворвался в зал так сильно, что казался толстым блестящим канатом, протянувшимся через зал. Струя воды ударила в камень и разлетелась брызгами.

Вода завихрялась по полу, и вот уже весь пол залит водой, вот она коснулась башмаков Пашки, поднялась до щиколоток… Пашка бросился к двери, за которой скрылась Госпожа Гера. Но, конечно, дверь была закрыта… Вода крутилась водоворотами, быстро поднимаясь.

Там, за перегородкой, совсем близко, — батискат. Но до него без шлема не добраться.

Пашка поднял голову, выискивая, нет ли наверху отверстия… Он еще даже не успел испугаться, но был жутко зол, что дал себя провести розовой женщине.

Вода уже поднялась до колен…

Глава 8
Камеусы выходят на охоту

Посейдон начал последовательно, один за другим включать мониторы.

Вот зал музея. Пусто. Вот театр, там никого. Вот покои наследницы. Наследница спит, обняв лысую куклу. Вот берег подземного озера. Сирены сидят у пустых кормушек и заунывно поют…

— Почему у вас такие странные имена? — спросила Алиса.

— Мы взяли их из древних земных мифов. Так велит Закон. Никто не должен догадаться, что мы — пришельцы.

— А ваше настоящее имя?

Ответить Посейдон не успел.

На экране монитора возник зал перед ангаром Атлантиды. Все в зале изменилось.

Зал был залит водой, которая хлестала из отверстия в перегородке.

По пояс в воде металась маленькая фигурка.

— Пашка! — закричала Алиса. — Что с ним? Почему он не уходит?

— Проклятие! — воскликнул Посейдон. — Она

нас обманула! Она добралась до него раньше нас!

Вспыхнул еще один монитор.

Алиса увидела, что, отделенная от ангара стеклянным иллюминатором, глядит на Пашкины мучения розовая Госпожа. Она улыбается и гладит Пашкин шлем, прижимая его к груди.

— Она отняла у него шлем!

— Вижу, — сказал Посейдон.

— Скорее, бежим ему на помощь!

— Мы не успеем, — ответил старик.

— Не спорьте!

— Но это безнадежно.

— Пожалуйста! Я же не знаю дороги!

Посейдон кинул последний взгляд на мониторы.

Вот Пашка. Вода уже достигает ему до груди. Пашка старается стащить с себя скафандр, который тянет его ко дну.

Розовая женщина удовлетворенно кивает головой, кидает на пол шлем и быстро уходит…

Алиса первой выбежала из лаборатории Посейдона.

Старик возился с ключами, он волновался, никак не мог попасть ключом в скважину.

— Никто не тронет вашей лаборатории! — сер-

дилась Алиса. — Не тратьте времени.

— Надо запереть. Нужен порядок. Закон запрещает…

— Хоть скажите, куда мне бежать!

— Иду, иду…

Посейдон широкими шагами пошел по коридору. Алиса хотела схватить его за руку и тащить за собой, но она понимала, что он не может идти быстрее.

— Какое изуверство! — бормотал Посейдон. — Докатиться до низкого преступления!

Алиса не слушала старика. Она представляла себе, как вода в подземелье поднимается к потолку и там, стараясь удержаться на плаву, бьется Пашка, но силы его оставляют.

— Долго еще?

— Скоро, — задыхаясь, произнес старик. — Скоро… Я не могу!

Мелькали светильники. Странные статуи улыбались Алисе в залах, летучие собаки проносились черными тенями…

— Здесь, — сказал наконец Посейдон.

Ход раздваивался перед ними: лестница вверх и лестница вниз.

— Там. — Посейдон показал на нижнюю лестницу. — Вход в ангар.

И поспешил по второй лестнице наверх.

— Вы куда?

Посейдон уже стоял перед дверью.

— Мы должны перекрыть воду. А это можно сделать только отсюда.

Он распахнул дверь и с опаской заглянул внутрь.

Алиса поняла: он боится, не поджидает ли их Гера.

Маленькая комната. Пульт управления. Один иллюминатор, глядящий в ангар. Комната пуста.

Посейдон протянул руку к пульту. Алиса кинулась к иллюминатору. И замерла от удивления.

В зале не было воды!

Пол был мокрым, на полу валялись клочки водорослей, расплескалась пятном слизи медуза… Но Пашки и след простыл.

— Где он? Где? — Алиса обернулась к Посейдону, будто он был во всем виноват.

— Я сам ничего не понимаю, — ответил старик. — Кто-то перекрыл воду, включил насосы и выпустил твоего друга… Это загадка.

— Побежали обратно, — сказала Алиса. — Мы включим мониторы и найдем Пашку.

— Если я пробегу еще десять метров, — простонал старик, — я умру.

Он сказал это так искренне, что Алисе стало стыдно. Ведь в триста лет нелегко бегать по коридорам и слушать упреки какой-то девочки. Посейдон нарушил из-за нее Закон, теперь ему пощады не будет. И поэтому Алиса сказала:

— Не бойтесь, я с вами. Я вас не оставлю. Мы возьмем вас наверх, и никакая Гера до вас не доберется.

Голубые губы Посейдона тронула слабая улыбка.

— Спасибо, девочка, — произнес он.

Он с трудом поднялся и медленно пошел к выходу.

Алиса кинула последний взгляд на батискат, который мирно покоился в зеленой воде, такой близкий и такой недостижимый. И вдруг ахнула: батискат медленно начал двигаться.

— Посейдон! — воскликнула она. — Смотрите!

Батискат, набирая скорость, удалялся от стеклянной стены. Вот он включил носовой прожектор, и конус света разрезал зеленую мглу.

— Этого не может быть! — произнес Посейдон. — Он не мог.

— Это Пашка! — радовалась Алиса.

— Но как? Никто не мог вывести его отсюда. Его шлем отняла Гера.

Алиса оглянулась. Шлема нигде не было.

— Пойми же, — упрямо повторял Посейдон, — у толстяка и наследницы ума не хватило бы… да и не нужен им батискат, они хотят править Атлантидой. Старик Гермес давно в маразме… Неужели Гера?

— Конечно, — с иронией сказала Алиса. — Она сначала его утопила, а потом отнесла на батискат.

— Ничего не понимаю, — развел руками Посейдон.

— Все хорошо кончилось, — сказала Алиса, глядя, как светлым пятнышком исчезает в глубине океана батискат. — Сейчас Пашка вызывает по рации ферму на острове Яп. Через час здесь уже будут катера спасательной службы. И власть вашей Геры кончится…

— Мне страшно, — сказал старик. — Я прожил всю жизнь здесь, под водой.

— Не бойтесь, — сказала Алиса. — У нас хорошие врачи.

Посейдон покачал головой…

— Врачи не всегда могут помочь, — вздохнул он.

— Пошли, — сказала Алиса.

— Куда?

— Вам надо подготовиться. Кто-то должен все объяснить нашим.

— Погиб Закон, погибла Атлантида, — сказал Посейдон. — Тебе этого не понять.

— Честное слово, всем будет лучше!

Настроение у Алисы исправилось. Как хорошо, что раз в жизни Пашка оказался сознательным человеком и, вместо того чтобы совершать подвиги, догадался отправиться за помощью!

Если бы Алиса знала в тот момент, как она далека от истины, она бы так не радовалась…

Алиса с Посейдоном осторожно шли по коридору. Старик впереди. У него был замечательный слух, выработанный за многие годы жизни в тишине подводного мира. Он шел медленно, опасаясь каверз Госпожи Геры…

Вдруг он остановился.

— Слышишь? — прошептал он.

— Ничего не слышу.

— Сегодня полнолуние, — сказал Посейдон. — Сейчас там, наверху, взошла луна…

— И что же?

— Камеусы вышли на охоту.

— Я ничего не понимаю.

— Скорее, Алиса, — сказал Посейдон. — Надо спрятаться в моей лаборатории. Туда они не

проникнут…

Над головой послышался шорох, потом громкий голос Геры прозвучал в динамике:

— Внимание! Камеусы вышли на охоту. Всем запереться в помещениях. Кто успеет, спешите в зал Совета.

И тут Алиса тоже услышала то, что так испугало старика.

Из недр подземелья доносился шорох, будто тысячи маленьких коготков скребли по камням. Этот шорох, хоть тихий и далекий, таил в себе что-то зловещее…

Старик побежал. Алиса даже не думала, что у него остались силы так бежать. Она бежала рядом, думая, как подхватить старика, если он упадет.

Через несколько метров они достигли двери в центр наблюдения. Старик дрожащей рукой сунул ключ в скважину.

И тут Алиса увидела загадочных камеусов. В дальнем конце коридора показалась серая масса.

Непонятно было, из чего она состоит: смутно мелькали ноги, покачивались спины каких-то существ. Все громче был слышен шорох.

Старик открыл дверь.

— Скорее! — Он почти упал внутрь. — Запри. У

меня нет сил.

Алиса взяла у него ключ и, когда запирала дверь, почувствовала, как что-то ткнулось в нее. Потом еще удар…

Алиса повернула ключ.

Старик сидел на полу, прислонившись к стене.

— Все в порядке, — сказала она.

— Я сейчас, — простонал старик. — Сил не осталось…

— Давайте я вам помогу. — Алиса попыталась поднять Посейдона, он был худой и казался легким, но на самом деле поднять его было трудно…

Он потерял сознание, и Алиса, задыхаясь от напряжения, приволокла его во внутреннюю комнату центра наблюдения, где был диван, — не оставлять же старика на каменном полу.

К счастью, диван был низким. Алиса опустилась в ногах у старика.

Отдышавшись, она подошла к пульту.

Вот театр. Что-то темное проскочило в поле зрения монитора. Еще одна тень… Но не разберешь, что это такое.

Алиса стала смотреть на следующий экран. На нем был виден берег подземного озера.

И тут она увидела первого камеуса.

Это был большой серый краб, размером с соба-

ку. Тонкие длинные ноги делали его похожим на паука-сенокосца, только очень большого. Но, в отличие от безвредного сенокосца, у краба были длинные массивные клешни, которые он раскрывал и сводил, будто угрожал.

Не успела Алиса разглядеть первого камеуса, как следом за ним на берег подземного озера выскочили другие. Они разбежались вдоль воды, вынюхивая что-то словно собаки. Алиса увидела, как из озера показалось испуганное лицо сирены и сразу исчезло, как только она заметила камеуса.

Один из камеусов увидел свет в лаборатории

над озером. Он скользнул в ее дверь. И принялся пробовать клешнями приборы — может, искал что-нибудь съедобное. Алиса услышала звон и хруст стекла.

Она обернулась, глядя на Посейдона. Но тот все еще лежал с закрытыми глазами и часто дышал.

Алиса хотела заглянуть в другие залы Атлантиды, но не знала, какие кнопки нажимать.

Включались все новые экраны.

На одном было видно море. Солнце склонялось к воде. Алиса взглянула на часы: седьмой час. На базе уже волнуются. Нет, успокоились. Ведь там знают, что случилось.

Включился еще один экран. На нем был виден небольшой городок на берегу моря. Белый мирный городок, несколько корабликов и глиссеров стоят у причала, над улицей медленно плывет флаер… Почему этот городок заинтересовал Посейдона? Надо будет спросить.

Шорох со стороны двери отвлек Алису. Она поняла, что это скребутся крабы.

Посейдон открыл глаза.

— Вам плохо? — спросила Алиса. — У вас есть лекарство?

— Там, — тихо сказал Посейдон. — Синий пузырек. Видишь?

Алиса достала лекарство. Протянула старику.

Он прислушался.

— Они скребутся в дверь? — спросил он. — Это стучит смерть.

— Вы о крабах? — спросила Алиса.

— Камеусы… — Старик открыл пузырек, по комнате распространился странный острый аромат. Старик поднес пузырек к носу, понюхал… — Последний, — сказал он в ответ на взгляд Алисы. — У нас была аптека, с Крины.

Камеусы продолжали царапаться в дверь.

— Откуда они? — спросила Алиса. — Из моря?

Старику стало легче. Он опустил ноги на пол.

— Спасибо, — сказал он. — Не представляю себе, как ты меня дотащила. Отважная девочка.

Посейдон встал и подошел к мониторам.

Он увеличил изображение на мониторе, что глядел на берег подземного озера, и показал Алисе крупным планом краба, который методично рвал на клочки белый халат, забытый в лаборатории.

— Они жили здесь всегда, — сказал старик. — Правда, судя по всему, раньше они были куда меньше и совсем безвредными. Их ловили, исследовали… Это особый род пещерных крабов. Они таятся в трещинах скал и питаются тварями, что живут в пещерах, — улитками, мокрицами, если

повезет, летучими собаками, даже грибами, что вырастают в темноте. Когда много тысяч лет назад это подземелье обжили атланты, крабы стали пожирать объедки, научились ловко воровать пищу, забираться в склады…

— Но ведь Атлантида утонула, — сказала Алиса, не в силах оторвать взгляда от краба, который рвал белый халат. В движениях его клешней и в выражении белых, на стебельках, глаз была холодная жестокость.

— Камеусы мечут икру и затем обволакивают ее плотной оболочкой. В глубинах трещин икринки прожили несколько лет, пока мы не откачали отсюда воду. А затем камеусы приспособились жить рядом с нами. Мы старались их извести, травили ядами. Многие крабы погибали, но те, что остались, перестали бояться ядов. Мы придумали новые способы истребления. Крабы учились с ними бороться. Мы запаковывали органические продукты в специальные контейнеры, камеусы стали прогрызать металл. Пока на станции было много людей, крабы отсиживались в своих трещинах и каменных норах. Но теперь, поняв, что мы бессильны, камеусы перешли в наступление. На наше счастье, крабы становятся агрессивны лишь раз в месяц, когда над океаном поднимается

полная луна. В эту ночь они впадают в бешенство. В такие ночи мы собираемся в зале Совета за двойными стальными дверьми, потому что обычная дверь теперь не преграда для них… Но никогда еще я не видел такого нашествия…

— Что же делать? — спросила Алиса.

— Остается только одно: ждать. Как только зайдет луна, крабы исчезнут, спрячутся в своих щелях.

— Скоро прибудут спасатели, а они ничего не знают о крабах.

— Крабы, к счастью, не умеют плавать.

«Странно, — подумала Алиса, — я спешила, бежала — и вдруг остановилась. Я сижу в осажденной крепости и жду спасения. Рядом со мной очень старый человек, пришелец с другой планеты, который сотни лет жил в подводной тюрьме и не смел ее покинуть. И даже сейчас боится. А я к нему уже привыкла. Лицо у него приятное, очень усталое, но не злое».

Алиса поглядела на мониторы.

— А почему у вас некоторые мониторы показывают наш мир? — спросила она. — Вот этот показывает море, а тот — какой-то городок.

— Привычка, — сказал Посейдон. — Я ведь не только наблюдатель. Я занимаюсь тектоникой,

изучаю строение Земли. Я прихожу сюда, веду наблюдения, регистрирую процессы, которые происходят в недрах вашей планеты. Работа меня спасает… Хоть она и никому не нужна.

— Теперь все будет иначе, — возразила Алиса. — Вы же знаете многое, что неизвестно наверху. Наверху вас обязательно сделают академиком, вот увидите.

— Наивно, девочка. Кому нужен выживший из ума старик? Все наши открытия безнадежно устарели. Еще сто лет назад мы знали о вашей планете в тысячу раз больше, чем сами земляне. Но ваша наука развивалась с такой скоростью, что теперь мне впору у вас учиться.

— Как жалко, что Закон запрещал вам выйти к людям раньше! — сказала Алиса. — Вы бы нам сильно помогли.

— Мы изучили морское дно. Мы знаем, где под океаном находятся очаги магмы, где — запасы полезных ископаемых. Мы знаем, как предсказывать извержения вулканов и землетрясения… Вот видишь этот гавайский городок Колау? Он спокойно спит, не подозревая, что в шесть утра на него обрушится землетрясение. И не будет больше этого городка — разлетятся на куски его дома, провалится под землю эта церковь, волна

цунами смоет в море порт…

— Какой ужас! — воскликнула Алиса. — И вы так спокойно об этом говорите? Даже муравейник жалко, если он попадет в лесной пожар, а вы же говорите о целом городе, о людях, которые в нем живут!

— Это закон природы, — сказал Посейдон. — Мы не вмешиваемся.

— Вы не вмешивались, вы жили, как подземные кроты! Поглядите, до чего вы докатились! Нельзя быть только наблюдателями. Люди должны помогать друг другу. Знаете, кто вы? Вы преступники. И сами себя наказали! — возмутилась Алиса.

— Если бы мы открылись вам, то ваша судьба изменилась бы. Я не знаю, была ли бы сейчас Земля лучше или хуже, — возразил Посейдон.

— Я говорю не о том, чтобы вмешиваться или не вмешиваться! — сказала Алиса. — А о том, чтобы спасти людей, если им грозит опасность! Если бы опасность грозила вашей планете или даже вашей станции, мы пришли бы к вам на помощь!

— Для того чтобы стать такими, вы должны были сами прожить собственную историю. Сами совершить свои ошибки и сами их исправить.

— Но какую же ошибку совершили люди того города, который спит? И которые погибнут на

рассвете?

— Я надеюсь, что ваши сейсмологи уже догадались, что надвигается землетрясение.

— Нет, не догадались. Это ясно. Вы же видите, до землетрясения осталось несколько часов, а в городе спокойно, никакой эвакуации. Значит, о землетрясении никто не подозревает.

— Я ничего не могу сделать, — сказал Посейдон.

— Неужели у вас нет рации?

— Она давно уже вышла из строя. Да и зачем нам связь с Землей?

— Скорей бы спускались спасатели, — сказала Алиса. — Тогда мы успеем предупредить этот городок…

Она была сердита на Посейдона и на всех этих кринян. Вроде бы они говорят правильно, логично, разумно. Но все равно они не правы.

Алиса с надеждой смотрела на монитор, на котором был виден ангар. Скорей бы…

Но там было спокойно. Только один камеус выскочил в зал, быстро переставляя серые ноги, боком пробежал через него, остановился перед стеклянной стеной, вглядываясь в толщу воды. Потом побежал прочь.

Посейдон уселся в кресло перед монитором и

сказал тихо, словно чувствовал себя виноватым:

— Надо проверить, как остальные…

Но он не успел этого сделать. На мониторе, который показывал подземное озеро, в толпе крабов, суетившихся на берегу, жадно глядя на перепуганных сирен и морских змеенышей, вдруг возникла паника. Крабы бросились наверх, подальше от воды.

Вода в середине озера расступилась, и из нее показался прозрачный купол. На поверхность поднимался батискат. Еще несколько секунд — и батискат, вынырнув из воды, замер. Можно было различить, что под куполом два человека.

Яркий свет прожектора ударил по берегу. Купол откинулся. В батискате стоял Пашка.

Глава 9
Бегство из Атлантиды

Алиса сразу все поняла.

Вместо того чтобы подняться на поверхность и вызвать помощь, безрассудный Пашка отправился сам совершать подвиги.

Почему так случилось?

Но для этого надо рассказать, что же произошло с Пашкой Гераскиным.

…Вода уже достала Пашке до груди, когда он понял, что больше она не поднимается. Вода не только не прибывала, она начала уходить из зала. Слышно было, как работают насосы. Тяжело дыша и чавкая, они выкачивали воду.

Вот вода уже по колено, по щиколотки… вот последние ее струи втягиваются в решетку в полу.

Дверь в зал отворилась, и туда вошел, волоча ноги, старик Гермес. Он был в скафандре, сумка с инструментами через плечо. В руке Пашкин шлем, который унесла Гера.

— Это вы откачали воду? — спросил Пашка.

— Опять поломка, — вздохнул старик. — Везде поломки. Иду, вижу — прорвало. Да и ты остал-

ся запертый. Ох, старое все здесь, ненадежное. Попадешься невзначай, утонуть можно. Ай-ай-ай! — Старик тяжело вздохнул и протянул Пашке шлем: — Потерял, что ли?

— Спасибо.

Пашка не знал, что ответить старику. Может, признаться, что шлем отняла Госпожа Атлантиды

и хотела его убить? А вдруг старик, чего доброго, сообщит Гере, что ее план не удался, и тогда она вернется, чтобы исправить ошибку.

Но старик сам разрешил Пашкины сомнения.

— И чего же ты хотел, мальчик? — спросил он. — Небось домой захотелось? К маме? Пошли, провожу тебя.

И старик вывел Пашку из зала, провел узким ходом в шлюзовую камеру. Потом задраил внешний люк, спросил, в порядке ли шлем у Пашки. Пашка надел шлем, закрепил его и проверил, как поступает воздух. Все было в норме. Потом старик вытащил из инструментального ящика свой потертый и поцарапанный шлем, похожий на шлем греческого воина, привинтил его и открыл воду. Шлюз быстро наполнился, и старик Гермес открыл внешний люк. Они стояли на дне океана.

Старик побрел вперед. Они не могли разговаривать — системы связи в скафандрах были разными. Пашка уже догадался, что старик ведет его к батискату.

Пашке казалось, что прошла вечность, прежде чем они, миновав субмарину атлантов, достигли батиската. Старик остановился. Он подождал, пока Пашка открыл люк переходника, а через три минуты они уже были внутри батиската и

можно было снять шлем.

— Почему вы меня спасли? — спросил Пашка.

— Почему? — повторил старик, глядя на Пашку выцветшими серыми глазами. — Это я себя спас.

— А я думал, что вы ничего не соображаете, — нетактично признался Пашка. — Вы всегда чепуху несли.

— Так все думают, — сказал старик. — Какая опасность от старого дурака? Этим и спасаюсь.

— Но почему?

— Потому что здесь больше жить нельзя. Но и признаться в этом — значит, жизни лишиться. Вот и притворялся дураком.

Пашка уселся в кресло у пульта батиската.

— Куда идти? — спросил он. — Вы знаете?

— Туда. — Старик показал пальцем направление. — Я бы сам на нем уплыл, но не знаю, как управлять.

Пашка включил прожектор и начал разворачивать батискат.

Именно тогда Алиса увидела, как батискат уплывает, и обрадовалась, что Пашка догадался вызвать спасателей.

Старик Гермес тоже решил, что Пашка будет подниматься.

— Через триста метров выход в ущелье, — ска-

зал он Пашке. Голос старика изменился, даже помолодел.

— И давно вы притворяетесь? — спросил Пашка.

— Давно. Если открыть мысли, Госпожа Атлантиды сразу меня со света сживет. Я все старался весть наверх дать. Я знаешь что придумал? Собирал старые бутылки, вкладывал в них записки с нашими координатами и выпускал в море.

— Я знаю! — воскликнул Пашка. — Мы потому и приплыли сюда, что нашли такую бутылку. С координатами.

— Значит, я был прав, — сказал старик Гермес.

— А что же вы подробнее не написали?

— Я напишу, — проворчал старик, — бутылка к Госпоже попадет. Она и догадается. Я человек старый, немощный, мне уже триста лет скоро. Я терпел и ждал. Что с дурака возьмешь? Хожу себе, чиню, латаю…

— Как хорошо, что вы успели вовремя и спасли меня.

— Я не успел. Я знал. Я как выследил, что Госпожа сюда идет, — сразу за ней. И ждал, пока она уйдет. Очень боялся, что она задержится поглядеть, как ты потонешь.

Батискат прошел сквозь горло широкого тунне-

ля и оказался в ущелье.

— Поднимайся, — сказал старик. — Теперь можно.

Но Пашка не спешил перевести рули батиската на вертикальный подъем.

— Подождите, — сказал он, — нельзя оставлять Алиску. Ей угрожает ваша Госпожа.

— Так поднимись, позови на помощь!

— Нет, сначала мы возьмем Алису. Помощь может опоздать.

— Лодка твоя, ты капитан, — вздохнул старик. — Только разумнее вызвать помощь.

— Мы возвращаемся, — твердо произнес Пашка.

— Есть другой путь в Атлантиду, — помедлив, сказал старик. — Через подземное озеро. Там нас не ждут.

Старик боялся возвращаться в Атлантиду. Он нарушил Закон и знал, что сделает с ним Госпожа, если он попадет к ней в руки. Пашка этого понять не мог. А старик, мечтавший лишь о том, что он увидит перед смертью настоящее солнце и вдохнет свежего морского воздуха, мрачно сидел рядом с Пашкой. Он уже жалел, что спас его.

Шлюзовое устройство у озера действовало. И меньше чем через час после того как старик спас

Пашку в зале ангара, они вынырнули посреди подземного озера, перепугав и без того испуганных сирен и морских змеенышей.

— Что это? — спросил Пашка, увидев, как от луча прожектора разбегаются камеусы.

— О горе! — воскликнул старик. — Как я мог забыть! Сегодня полнолуние! Камеусы вышли на охоту!

Эти слова старика Гермеса Алиса услышала. Их уловили микрофоны в зале подземного озера.

Алиса слышала, как Гермес объяснял Пашке, что такое камеусы. Посейдон, сидевший рядом, удивленно говорил:

— Этого быть не может! Ведь Гермес давно сошел с ума! Он ничего не понимает! Какая глупость! Нас было двое недовольных, а мы не доверяли друг другу.

Голос Госпожи Атлантиды раскатился по всему подземелью.

— Я все вижу! — кричала она. — Я вижу, какое преступление совершил ничтожный Гермес, который не убоялся моего гнева. Слушай же, предатель Атлантиды, нарушитель Закона: если ты сейчас убьешь этого мальчишку, я сохраню тебе жизнь.

Алиса видела, как вздрогнул Гермес, услышав

грозные слова Геры. Он опустил голову, съежился, стараясь спрятаться от разящих слов.

— Не бойся, — услышала Алиса голос Пашки, — ничего она с тобой не сделает.

— Она всесильна, — тихо ответил Гермес.

— Зло не бывает всесильным, — возразил начитанный Пашка.

Крабы, толпившиеся у лаборатории, замерли, тоже слушая Госпожу Атлантиды.

— Я жду одну минуту, — произнесла Гера. — После этого пеняй на себя.

Посейдон включил еще один монитор. Гера стояла посреди зала Совета Атлантиды, держа в руке золотой микрофон в виде змеиной головы.

— Я пойду, — сказал между тем Пашка. — Мне надо найти Алису.

— Ты не пройдешь мимо камеусов, — чуть не плача, произнес Гермес. — Они разорвут тебя.

— Надеюсь, мой скафандр выдержит.

Алиса обернулась к Посейдону:

— Пожалуйста, сделайте так, чтобы он нас услышал. Он должен знать, что мне ничего не грозит.

Посейдон наклонился к микрофону.

— Внимание, — произнес он, — говорит Посейдон. Слушай меня, Госпожа Атлантиды! Слушай меня, Гермес, слушай меня, мальчик Паша. Алиса

в безопасности. Она стоит рядом со мной. Госпожа, ты бессильна против нас. Еще вчера мы были разобщены, каждый сам по себе, и потому ты правила Атлантидой и утверждала, что ты и есть Закон. Твое время прошло. Я лишь жалею, что раньше не доверял Гермесу.

— Я тоже жалею об этом! — закричал Гермес, который услышал слова Посейдона.

— Ты одна, Гера, — продолжал Посейдон, — с помощью детей, которые пришли из солнечного мира, мы поняли, что единственный выход — наверх, где ветер и солнце.

— Я убью вас! — кричала Гера. Она отбросила микрофон и протянула руку к рубильнику на стене. — Я затоплю Атлантиду! Никто не выйдет отсюда живым.

— Глупости, — сказал Посейдон. — Гермес и Паша в батискате. Они не погибнут.

Гера замерла. Она поняла, что Посейдон прав.

Обезумевшая от страха потерять власть, Госпожа Атлантиды готова была убить всех. И если кто-то спасется, ее торжество будет неполным.

И тут все услышали отчаянный визг.

Вспыхнул еще один монитор. На нем была видна детская Афродиты.

Наследница сидела на кровати, прижимая к

груди куклу, и отчаянно вопила. Ее отец, толстяк Меркурий, стоял посреди комнаты, подняв стул. Им было отчего испугаться: в дверной трещине шевелилась клешня камеуса. С каждым мгновением щель становилась все шире. Слышно было, как трещит дверь.

Толстяк кинулся к двери и стал суматошно колотить по ней стулом, стараясь попасть по клешне, но промахивался и лишь расшатывал дверь.

— Гера! — воскликнул Посейдон. — Достань оружие. Бери лазерный бластер и спаси Меркурия с Афродитой. Ты Госпожа Атлантиды. Это твой долг — защищать кринян.

— Это священное оружие!

— Открой сейф! Наступил момент.

— Момент? — Госпожа Атлантиды задумалась. Потом тихо произнесла, словно читала: — В момент крайней опасности для станции ее начальник имеет право употребить оружие. Так гласит Закон.

Гера открыла сейф и вынула оттуда лазерный бластер.

И тут же направилась к двери.

— Вот видишь, — сказал Посейдон. — Я рад, что она вспомнила о долге.

— Вы уверены, что Госпожа Гера идет спасать наследницу и Меркурия? — спросила Алиса.

На экране монитора было видно, что Госпожа Атлантиды выбежала из двери. Навстречу ей, раскрыв клешни, кинулись два крупных камеуса.

Зеленый луч вылетел из бластера, крабы обуглились и кучками пепла рассыпались по каменному полу.

Госпожа миновала зал скульптур, потом повернула направо…

— Куда? — закричал Посейдон. — Не туда!

Камеусы, почуяв шаги Госпожи Атлантиды, кидались на нее со всех сторон. Но она резала их лучом, не останавливаясь… Она бежала к подземному озеру…

Алиса поняла: через три минуты Гера увидит батискат.

Она схватила микрофон:

— Пашка, ты меня слышишь?

— Что у вас случилось?

— Гера вырвалась из своей норы и несется вас расстреливать. Она вооружена и очень опасна. Немедленно — погружение.

— Понял, — быстро ответил Пашка.

Одним движением он закрыл колпак, задраил его. Взрывая бурунчики воды, батискат быстро

пошел вниз. Когда Гера, уничтожая камеусов, выбежала на берег озера, лишь водоворот на месте батиската напоминал о кораблике.

Гера выбежала на самый берег, к пустым каменным кормушкам, и начала палить по воде. Взревел раненый морской змей, вода кипела, облако пара поднялось над озером.

— Она больна, — сказал Посейдон. — Она лишилась рассудка.

Как молнии сверкали лучи лазерного бластера. Батиската и след простыл, но Гера не прекращала стрельбы, будто у нее заклинило палец. И она не услышала, да и как в таком состоянии услышишь, что сзади к ней подкрались камеусы.

Даже Алиса, поглощенная зрелищем, заметила их, когда было поздно.

— Сзади опасность! — закричала она.

Но Гера не обернулась. Клешни крабов рванули ее одежду.

Гера упала на каменный пол. Зеленый луч полосовал вокруг, но она не могла прицелиться: клешни крабов резали ее руки.

Алиса в ужасе закрыла глаза руками.

Потом была тишина. Только доносился визг наследницы.

— Все, — сказал Посейдон. — Ты свободна, Алиса.

Алиса заставила себя посмотреть на монитор.

Куча тряпок и лужа крови, в которой лежал лазерный пистолет, — вот и все, что осталось от Госпожи Атлантиды.

И тут Алиса увидела, как вода близ берега расступилась.

Из воды поднимался Пашка Гераскин в скафандре. Крабы, закончив свою кровавую трапезу, кинулись к нему, широко разевая клешни.

Но Пашка не обращал на них внимания. Он будто не чувствовал, как клешни вцепляются в скафандр, стараются разорвать его.

Раскидывая крабов кулаками, он дошел до ле-

жавшего на камнях лазерного бластера. Быстро поднял его. Несколькими короткими ударами луча он очистил берег от камеусов.

Потом откинул шлем и вытер перчаткой лоб.

— Алиса, — сказал он, — ты меня слышишь?

— Слышу, — сказала Алиса.

— Где Афродита и Меркурий?

— Я скажу тебе, как пройти, — сказал Посейдон.

Алиса вместе с ним следила за каждым шагом Пашки, предупреждая друга об опасности, когда из-за кулис в театре на него кинулся громадный камеус, когда еще один протянул клешню из-под кресла, когда целая толпа камеусов устроила засаду в темном проходе, пока другие штурмовали дверь в бывшую гримерную — детскую наследницы.

И Пашка, как в приключенческом романе, успел в самый последний момент. Крабы уже прогрызли дверь, и первый из них махал клешнями, отбиваясь от стула, которым защищался Меркурий.

Но на этом Пашкина работа не закончилась. Он вызволил и Алису с Посейдоном. И они вме-

сте вернулись к берегу озера.

Когда переходили в батискат, который Пашка поднял на поверхность, на берегу не было ни одного камеуса. Они не хотели больше рисковать. А может быть, сообразили, что люди уходят и камеусы остаются безраздельными хозяевами Атлантиды. Вряд ли они слышали, как Алиса крикнула:

— Недолго вам здесь править! Люди вернутся!

Крабы не ответили. Они не умеют разговаривать.

В батискате было тесно.

Мрачной серой птицей сидел Посейдон, прижимая к груди мешок с записями и документами. Рядом нахохлился Гермес, поставив ноги на драгоценную и никому уже не нужную сумку с инструментами, с которыми он не мог расстаться. Всхлипывала наследница и шептала отцу: «А нас не утопят? Может, вернемся? Крабы уйдут, и мы будем жить с тобой вдвоем». — «Успокойся, — бормотал ее отец, — нам нельзя обратно, нас некому кормить». — «Но у меня не будет своего царства». — «Папочка отыщет тебе царство…»

— Я надеялась, Паша, что ты вызовешь помощь, — сказала Алиса.

— И это вместо благодарности! — Пашка задра-

ил люк. — Я спас население Атлантиды. Что бы вы без меня делали?

— Дождались бы помощи, — сказала Алиса. — Может, даже Гера осталась бы жива.

— Геру мне не жалко, — сурово сказал Пашка. — Она бы все равно отсюда не ушла. А Меркурий с Афродитой обязательно бы погибли.

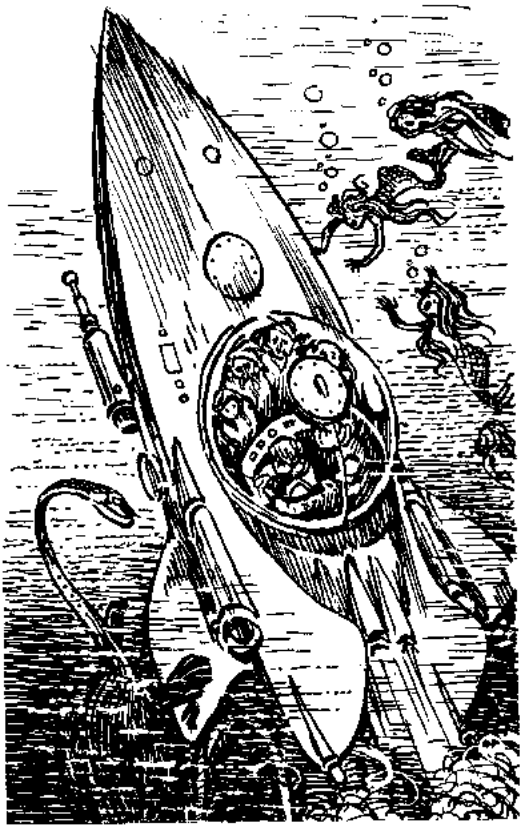
Он сел за управление батискатом и повел его к шлюзу.

Кто-то постучал по корпусу. Еще…

Алиса удивленно выглянула.

Рядом с батискатом плыли сирены и морской змееныш. Сирены колотили в корпус, просили не оставлять их.

— Товарищи сирены! — крикнул им Пашка. — Через несколько часов здесь будут люди. В том числе биологи. Вы для них — сокровище. Я обещаю вам, что отныне вас будут кормить только вкусно и только до отвала.

Но сирены не поняли Пашку и плыли за батискатом до самого шлюза, и их с трудом удалось

отогнать, чтобы они не попали в открытое море.

Как только батискат начал подъем из трещины, Алиса, несмотря на возражения оробевшего вдруг Пашки, взяла микрофон.

— Остров Яп, — сказала она, — вас вызывает батискат-17.

— Это ты, Алиса? — раздался голос Дороти. — Ты с ума сошла!

— Простите, Дороти, мы не хотели вам доставлять неприятности. Но у нас было столько приключений!

— Какие могут быть приключения! — возмущенно ответила Дороти. — Вы же еще дети! Вы забываете, что питаться надо по часам. Вы знаете, сколько сейчас времени?

— Сколько? — виновато спросила Алиса.

— Девятый час, а вы все еще катаетесь по морю. Ужин остыл, кокосовое молоко прокисло, лепешки зачерствели. В следующий раз я оставлю вас без ужина.

— Мы летим, мы спешим! — воскликнула Алиса. — Мы везем гостей. Дороти, вы самая прекрасная, добрая и заботливая женщина на свете.

— Не подлизывайся, — сказала Дороти. — Сколько гостей я должна кормить сегодня?

— Кроме нас, четверых.

— Где же вы их нашли?

— В Атлантиде.

— Поняла, — засмеялась Дороти, — значит, это гидрологи. Скажи им, что я ставлю на огонь жаркое.

Алиса обернулась к кринянам.

Они смотрели на нее внимательно и даже испуганно. И молчали. Им было страшно.

Батискат быстро шел наверх.

Рядом с ним плыл громадный морской змей Эмпедоклюс, который не хотел отставать от своего друга, старика Гермеса.

— Минуточку, Дороти, — сказала Алиса, — не отключайся. Дай мне координаты сейсмической станции в Гонолулу.

— Пожалуйста. — Дороти никогда не удивлялась.

Алиса набрала координаты сейсмологов.

— Сейсмический дежурный по Гонолулу слушает, — послышался голос.

— Говорит подводная ферма острова Яп. Мы имеем информацию, что завтра в шесть утра на острове Оаху случится землетрясение силой в девять баллов. Наибольшим разрушениям подвергнется город Колау.

— Информация достоверная? — спросил сей-

смолог.

— На сто процентов. Проверьте по вашим каналам, — сказала Алиса.

— Спасибо, — сказал сейсмолог. — До связи.

Батискат прорвал поверхность воды, и последний отсвет луны мелькнул в кабине.

Когда Алиса поглядела на атлантов, у нее сжалось сердце — какие это несчастные, грязные, изможденные старые люди. И чтобы жалость не отразилась на лице, Алиса улыбнулась и сказала, обращаясь к Посейдону:

— Сейсмологи благодарят вас. Вы спасли сегодня много человеческих жизней.

Маленькая голова морского змея поднялась над водой рядом с батискатом, потом показалась черная туша, короткий хвост… Поднялся фонтан брызг.

И морской змей скрылся в волнах.

Батискат взял курс на остров Яп.